

ЮРИЙ
КОЗЛОВСКИЙ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

Юрий Козловский
Пропавшие без вести
Серия «Золотая книга», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2522585

Козловский Ю. Пропавшие без вести: фантастический роман: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-52714-4

Аннотация

Бывший десантник, а ныне капитан милиции Николай Лесовой попадает на работу в отдел исследования аномальных явлений при МЧС России. Его задача – розыск людей, пропавших при чрезвычайно загадочных, почти мистических обстоятельствах. Аналогичные случаи массовых исчезновений происходили и во времена Октябрьской революции, и в Великую Отечественную войну. Лесовой приходит к выводу, что похищенных людей неизвестные силы используют для каких-то загадочных и страшных целей. А потом в расследовании у него появляется личный мотив – когда один за другим начинают исчезать и гибнуть его боевые товарищи...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	43
Глава 13	46
Глава 14	51
Глава 15	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юрий Козловский

Пропавшие без вести

Часть первая

Отдел аномальных явлений

Глава 1

Неожиданный звонок

В сидевшей напротив Николая женщине было что-то от мелкого хищника. Она не была некрасива, но суетливые движения, визгливый голос и колющий взгляд производили неприятное впечатление. По какой-то странной ассоциации посетительница напоминала капитану подкравшегося к курятнику хорька. Но подчиняясь служебным инструкциям, пришлось спрятать свое негативное отношение в задний карман и терпеливо выслушивать сбивчивую обличительную речь. Заявительница регулярно, раз в два-три месяца, приходила в отдел узнать, как движутся поиски ее пропавшего три года назад мужа, и каждый визит заканчивался истерикой. Вот и сейчас все шло к тому же. Николай незаметно собрал бумаги со стола и положил их в выдвижной ящик – в прошлый раз соломенная вдова, впад в раж, в клочья изодрала многостраничный отчет, над которым он корпел вечерами целую неделю.

– Три года! – казалось, ее голос разносился по всем этажам. – Три года вы занимаетесь черт знает чем, вместо того чтобы искать моего Сашеньку! Будь у меня время, я сама бы давно нашла его! Но я, между прочим, работаю! И плачу налоги, из которых вы получаете свое жалованье! Я кормлю вас! Вы едите мой хлеб, жрете водку за мой счет, все, все, начиная с вашего толстопузого начальника и кончая вами! А на то, что я осталась без кормильца, вам всем наплевать! Вот когда вас заставят содержать меня за свои деньги, тогда вы все забегаете! Подождите, напишут такой закон!

«При чем здесь мои деньги? Какой еще закон?» – отстраненно подумал Николай. Он с удовольствием заткнул бы уши, чтобы не слышать этого визгливого голоса, но – увы...

Капитан вовсе не был бессердечным человеком. Ну, не мог он сказать женщине, что дело по розыску без вести пропавшего гражданина Комарова, возбужденное по ее заявлению, закрыто больше двух лет назад. «Сашенька» преспокойно проживал в маленьком городке Московской области с новой супругой, не очень красивой, но милой и доброй, не в пример сидевшей сейчас перед Николаем мегере. Когда Комаров узнал, по какому делу пришел к нему капитан милиции, то упал на колени, умоляя не «находить» его. Перспектива встречи с бывшей женой, от которой он сбежал, не прихватив с собой даже смены белья, ввела «Сашеньку» в состояние такого смертельного ужаса, какой Николаю приходилось видеть разве что на лице человека, к чьему лбу приставили автоматный ствол.

Сейчас, глядя на упивавшуюся собственным горем гражданку Комарову, Николай радовался про себя тому обстоятельству, что в создавшейся ситуации закон не позволяет ему открыть этой фурии нынешний адрес сбежавшего супружника.

На этот раз обошлось без уничтожения документов. Накричавшись вдоволь, гражданка Комарова встала и, гордо неся высоко поднятую голову, с выражением полного презрения к бездельникам-ментам, покинула кабинет. Капитан с облегчением вздохнул и взялся за создание очередного отчета, который отнимал половину рабочего и почти все свободное время.

За все предшествовавшие нынешнему этапу годы жизни у Николая Лесового ни разу даже не мелькнула мысль, что когда-нибудь он будет работать в милиции. Если бы кто-то сказал ему об этом, особенно в юности, он бы долго смеялся. А вот, поди ж ты, пришлось. Годы военной службы оказались насыщены войной без начала и конца, и, проработав несколько лет после увольнения из армии экскаваторщиком, он мечтал, получив диплом заочного института, пристроиться на спокойное место юриста в коммерческой фирме или, на худой конец, в коллегия адвокатов. Но все спокойные и теплые места оказались давно и прочно заняты. Пришлось выбирать – или с двумя дипломами о высшем образовании (первый получил в военном училище) продолжать дергать рычаги экскаватора в песчаном карьере, или снова надевать погоны, на этот раз милицейские. Другой работы для свежее испеченного юриста не нашлось, разве что в службе судебных приставов. Но, представив себя в роли злого цербера, выносящего из квартир отнятые за просроченные кредиты или неоплаченные налоги телевизоры и холодильники, Николай вздрогнул от омерзения и никогда больше не возвращался к этой мысли.

В милиции он получил звание капитана, то же, в котором ушел из армии, и попал в отдел по розыску без вести пропавших людей. Деньги платили не то чтобы очень, но все же больше, чем получал, глотая пыль в карьере. На жизнь хватало. Главное, что у него была квартира. Вот если платить за съемное жилье, тогда бы действительно пришлось несладко.

Квартира Николаю досталась ценой собственной крови. В буквальном смысле. Разведывательно-диверсионная группа из пяти человек, в состав которой входил капитан Лесовой, выполняя секретное задание в горах, совершенно случайно напоролась на небольшой караван, сопровождаемый десятком вооруженных до зубов боевиков. Те поднимались в гору, а разведчики, наоборот, спускались вниз и потому оказались в выгодном положении. Несколько минут яростной перестрелки, и боевики все до одного навсегда остались в ущелье, слегка присыпанные камнями. В седельных сумках разведчики нашли больше центнера чистейшего героина и крупную сумму в долларах, на удивление оказавшихся настоящими. Героин по прибытии на базу сдали контрразведчикам, но отдавать добытые с кровью деньги (трое из пяти бойцов, в том числе Николай, были ранены в перестрелке) дураков не нашлось. Трофейные доллары честно разделили между собой, и, разумеется, никому не пришло в голову болтать о свалившемся на них богатстве.

Его доли хватило на покупку двухкомнатной квартиры в Москве, и даже осталось на трехлетний «БМВ» в отличном состоянии. Николай ни разу не пожалел, что сделал это, потому что через несколько лет цены на жилье выросли вчетверо. Как не пожалели и остальные ребята, следовавшие его примеру.

Оформляя его, кадровик управления долго крутил в руках военный билет офицера запаса, потом не выдержал и спросил:

– Слушай, а что это за ВУС¹ у тебя? Никогда раньше такой не видел.

– Да так, штабная работа, – стемнил связанный кучей подписок о неразглашении Николай. – Бумажка туда, бумажка сюда. Просто любят у нас все секретить...

– А почему из армии ушел? – не унимался кадровик. – Молодой ведь еще был, когда получил капитана. Сейчас бы уже в майорах ходил, а то и подполковником...

– Сокращение, – так же коротко ответил Лесовой.

Тут он не сильно погрешил против истины. Вскоре после того, как он вернулся из госпиталя в родную часть, их десантно-штурмовой батальон расформировали. Кто-то из офицеров ушел в другую часть, кто-то предпочел распрощаться с армией. Николай присоединился ко вторым. Слишком много сослуживцев полегло в горах, и слишком долго ему везло. Ранение он расценил как первый тревожный звонок, и ждать второго как-то не хотелось. Но,

¹ ВУС – военно-учетная специальность.

главное, он давно разобрался, за что ведутся все эти необъявленные войны, и вовсе не горел желанием сложить голову за чьи-то шкурные интересы, которые очень часто выдавались за интересы государства.

Окружавшая его армейскую службу секретность сыграла с Николаем не одну злую шутку. Например, ему пришлось идти на курсы механизаторов, чтобы получить удостоверения бульдозериста и экскаваторщика. Это ему-то, обученному управлять самой разнообразной техникой, почти всем, что ездит на колесах или гусеницах, плавает по воде и даже летает! Но все свидетельствующие об этом бумаги хранились в секретном личном деле в здании ГРУ на Хорошевском шоссе, и извлечь их оттуда не было никакой возможности. Проще оказалось отучиться снова.

Эти мысли нахально лезли в голову и мешали составлению отчета. Николай вздохнул, спрятал бумаги в сейф и посмотрел на часы. Рабочий день скоро кончался, но еще оставалось время, чтобы отработать всплывший по одному из дел адрес. Он уже поднялся со стула, когда в кармане запиликал и завибрировал мобильник. Звонивший представился полковником МЧС Сигизмундовым и предложил встретиться по делу, которое должно было заинтересовать капитана Лесового.

Глава 2

Из графы «Представительские расходы»

Встретились в кавказском ресторанчике рядом с Театром на Таганке. Сигизмундов оказался мужчиной среднего роста, одетым в дорогую темно-синий костюм с голубой рубашкой и правильно подобранным галстуком. Зато лицо было таким неприметным, что Николай подумал – даже он со своей тренированной зрительной памятью уже назавтра затруднился бы узнать этого человека. Выглядел полковник довольно молодо для своего звания, примерно лет на тридцать пять.

Показав удостоверение, в котором он значился старшим офицером управления информации и безопасности спасательных работ МЧС, и представившись Александром Петровичем, Сигизмундов не сразу приступил к делу.

– Выбирайте, – он придвинул к Николаю обтянутую коричневой кожей папку с тисненой золотой надписью «Меню».

Николай открыл папку и, глянув на колонку цифр в графе «цена», сразу прикинул, что даже легкий ужин в этом заведении ополовинит оставшуюся у него до полочки сумму.

– Знаете, я не голоден, – сказал он, сглотнув слюну, и подтолкнул меню обратно к полковнику.

– Не стесняйтесь! – понимающе улыбнулся Сигизмундов. – Платит пригласившая сторона.

– Тогда заказывайте на свой вкус, – пожал плечами капитан.

Полковник отдал официанту распоряжения, тот исчез и через несколько минут появился снова, неся на подносе салаты, щедро украшенные зеленью шашлыки, тарелку с лавашем и графинчик водки. Хотел наполнить рюмки, но Сигизмундов жестом отослал его. Николай хмыкнул про себя, но никак не показал своего удивления. Похоже, что-то нужно от него чрезвычайной службе, очень нужно. Встречаясь по обычным служебным вопросам, не угощают на дурняк в ресторане, а приходят в кабинет. Или приглашают к себе. А может быть, это вербовочный подход? Глупости, это ведь МЧС, а не ФСБ. Впрочем, корочки вполне могут оказаться прикрытием. И не обязательно ФСБ. Этих тайных контор развелось нынче не меньше, чем бутиков на Тверской. Не исключено, что и МЧС обзавелось собственной спецслужбой.

Может быть, промелькнувшие мысли отразились на лице капитана, а может, полковник был хорошим психологом, но он поспешил развеять сомнения Николая.

– Давай сразу внесем ясность, – сказал он, глядя прямо в глаза. – Кстати, не против перейти на «ты»?

– Да ради бога! – пожал плечами Николай.

– Так вот, Коля, не смотри на меня, как на уругвайского шпиона. Я на самом деле из МЧС. К тайным службам не имею ни малейшего отношения. И деньги, которыми буду рассчитываться за ужин, взяты не из вербовочного фонда, а получены мной по графе «представительские расходы».

– Передо мной, что ли, представляться? – усмехнулся Николай. – Перед простым милицким капитаном? Не много ли чести?

– Давай-ка сначала выпьем! – ответил полковник, разливая водку, но не по рюмкам, а по пузатым фужерам. – Знаешь, терпеть не могу эти наперстки. Пить из них – только во рту гадить. Согласен?

– Как хочешь! – снова пожал плечами Николай. – Можно и так.

– Вот и отлично! – Сигизмундов чокнулся и одним глотком опорожнил свой фужер.

Николай отпил немного водки и отрезал кусочек хорошо прожаренного мяса. Полковник в несколько секунд расправился с салатом, вытер рот салфеткой и посмотрел на капитана. Только теперь Николай понял, что неприметность Сигизмундова кажущаяся. Когда поймашь взгляд его умных пронизательных глаз, вся неприметность куда-то пропадает. Такой взгляд не забудешь.

– Так вот, Николай Васильевич, – произнес полковник, подцепив вилкой кусочек шашлыка. – Твоей персоной заинтересовалось большое начальство из нашего ведомства. Очень большое. Ты даже представить себе не можешь, насколько большое.

Троекратное повторение должно было придать его словам вес и ввести Лесового в состояние должного почтения. Но он остался спокоен и не опустил взгляда.

– Вот за это на тебя, наверное, и положили глаз! – Сигизмундов с одобрением улыбнулся, но Николай не понял ни этой его фразы, ни беспричинной радости. – Короче говоря, объясняю. Недавно мы получили доступ к некоторым секретным файлам военного ведомства. Получили вполне легально, по соглашению высоких инстанций. Конечно, не из простого любопытства. Нашему министерству понадобились люди с, так сказать, специфической подготовкой и определенными личностными качествами. Твоя кандидатура подошла, и ею заинтересовались в верхах.

– Вам стало не хватать пожарных? – улыбнулся Николай. Но на самом деле ему было совсем не до смеха. Зная уровень секретности, окружавший воинскую часть, в которой он служил, и особенно то подразделение, в котором на него были неофициально возложены обязанности аналитика, он понимал, насколько серьезное давление было оказано на военное ведомство. Сам он, когда понадобилось, не сумел добыть даже безобидной бумажки из своего дела. Сохранение военной тайны в кадровом управлении доходило чуть ли не до паранойи...

– Не иронизируй! – полковник слегка нахмурился. – Ты не представляешь, насколько широкий круг обязанностей возложен на наше министерство. В общем, я уполномочен сделать тебе предложение...

Он снова наполнил водкой свой фужер. Хотел налить и Николаю, но тот отрицательно покачал головой. Полковник не стал настаивать, влил в себя еще одну порцию, довольно крякнул, закусил с завидным аппетитом и только после этого продолжил:

– Если ты пройдешь необходимые тесты, то тебя ожидает хорошее место. С повышением в звании и должности и с хорошим окладом. Очень хорошим. Таким, что не будет никаких соблазнов. И не ершишься, я ведь знаю, что ты не *берешь*...

Николай действительно не *брал*, хотя предлагали не раз. Но знал сослуживцев, которые делали это, не стесняясь. У каждого из них в сейфе годами пылился не один десяток разыскных дел, расследовать которые с одинаковым пылом не было никакой возможности. Поэтому приоритетными оказывались те, на которые указывало начальство. Но в самую первую очередь и с особым рвением они расследовали те дела, заявители по которым приходили с пухлыми конвертами непосредственно к ним. Вот только у капитана не поднималась рука брать деньги с обезумевших от горя родственников пропавших людей. Он и без того делал все от него зависящее и показывал результаты не хуже, чем у других. Так уж был приучен.

Взгляд принявшего приличную дозу алкоголя Сигизмундова оставался холодным, пронизательным и абсолютно трезвым. Он смотрел на Николая в ожидании ответа.

– Твое начальство так уверено, что я соблазнюсь чинами и деньгами? – холодно спросил Лесовой.

– Нет. Мы знаем, что купить тебя не так-то просто.

Так. Кидает леща, подумал Николай. Давит на самолюбие. Посмотрим, что будет дальше.

А дальше произошло неожиданное. Полковник прожевал шашлык, запил глотком сока и добавил, подмигнув заговорщически:

– Хотя был случай, а? Там, в ущелье? Да ладно, не напрягайся! Никто не узнает. Зато у тебя квартира есть! – и хлопнул Николая по плечу, как доброго приятеля.

Вот это было уже очень серьезно. В личном деле никак не могло быть таких сведений. Неужели проболтался кто-то из бойцов, с которыми разделили те злополучные доллары? Но спрашивать об этом у полковника Николай, конечно, не собирался. Если тот упомянул о деньгах в качестве шантажа, то с ним такой номер не пройдет. Хотя и расплевываться, даже не узнав, что хотят предложить эти чересчур осведомленные люди, было бы просто глупо.

– Тогда выкладывай, чего конкретно вы от меня ждете, – лицо Николая оставалось безмятежным, ничем не выдавая внутреннего напряжения. Когда-то его научили сохранять внешнее спокойствие и не в таких ситуациях.

– Хотим предложить тебе интересную работу, – полковник тоже выглядел, будто ничего не произошло, будто не проскочил только что между ними невидимый разряд. – Как ты на это смотришь?

Он вылил в свой фужер остатки водки из графина, доел шашлык и выжидательно посмотрел на Николая. Но тот не спешил с ответом.

– Тогда сделаем так. Если надумаешь, приходи завтра утром по этому адресу, – он достал из кармана и протянул Николаю белый картонный прямоугольник с напечатанным текстом. – Если не придешь, считай, что этого разговора не было. Без всяких, кстати, последствий для тебя.

– Не приду, – сказал капитан. – Завтра у меня рабочий день.

– Ошибаешься! – возразил Сигизмундов. – Завтра ты в отгуле.

В кармане завибрировал телефон.

– Лесовой? – голос начальника отдела звучал недовольно. – Я тут просматривал рапорта. Сильно много у тебя отгулов накопилось, капитан. Можешь завтра не выходить...

Глава 3

Странный генерал

Лаборатория, в которой Николая чуть ли не вывернули наизнанку, размещалась в здании с вывеской «Научно-исследовательский центр специальных проектов МЧС России». Люди, которые с ним занимались, меньше всего были похожи на служителей науки, какими их представляет привыкшее к штампам сознание. По всем повадкам им скорее подошли бы погоны на плечах. За какие-то два часа Лесового прогнали через несколько медицинских кабинетов, где сделали все мыслимые анализы, просветили внутренние органы и даже сняли томограмму головного мозга. После этого провели добрый десяток тестов, из которых Николаю был известен лишь один – определение значения ай-кью. Потом усадили за стол, облепили весь организм датчиками и долго задавали всякие дурацкие вопросы.

Когда запас вопросов иссяк, капитана отвели в спортзал, где задали такую нагрузку, какой он не помнил со времен курсов диверсантской подготовки. Переодев в новенький тренировочный костюм, усадили за силовой тренажер и увеличивали вес до тех пор, пока он не смог сдвинуть рычаги и на миллиметр, как ни упирался. Потом были беговая дорожка и велотренажер, где его тоже гоняли до седьмого пота. И все это время тело опять-таки было облеплено подключенными к компьютеру датчиками.

К концу последнего теста отвыкшего от таких перегрузок Николая чуть ли не шатало, и мучители в медицинских халатах милостиво отпустили его в душ. А когда вышел оттуда, увидел вчерашнего знакомого. Сегодня Сигизмундов надел военную форму с полковничьими погонами, в которой выглядел гораздо внушительнее и заметнее, чем в гражданском костюме. Перед ним на столе лежал ворох компьютерных распечаток. По тому, как тянулись перед ним пробежавшие мимо работники лаборатории, капитан понял, что Сигизмундов здесь – шишка не из последних.

Полковник встал из-за стола, прихватив распечатки, улыбнулся Лесовому как старому доброму другу, крепко пожал руку и увлек за собой. Поднявшись на два этажа и пройдя по длинному коридору, они оказались перед металлической дверью с видеоглазком и табличкой: «Отдел исследования аномальных явлений». Николай хмыкнул – от названия слегка пахло не то чертовщиной, не то мистикой. И вспомнил случайно попавшуюся когда-то газетку, название которой давно вылетело из памяти, где писали о нескольких необычных увлечениях главного спасателя страны. Сам капитан считал всех этих охотников за НЛО или снежным человеком чокнутыми и посмеивался, когда по телевизору показывали передачи о всяких сверхъестественных явлениях.

Сигизмундов нажал кнопку звонка и через секунду щелкнул замок. Дверь открыл невысокий широкоплечий прапорщик с кобурой на поясе. А в медицинской лаборатории не было охраны, подумал Николай. Какие тайны и секреты скрываются за этой дверью?

Прапорщик внимательно изучил документ Сигизмундова, потом проверил служебное удостоверение Лесового, сличив его с оригиналом и временным пропуском. И только убедившись, что перед ним не самозванцы, вознамерившиеся обманом проникнуть в святая святых службы спасения, отступил в сторону и пропустил их в просторный холл, из которого в две стороны расходился освещенный люминесцентными лампами коридор.

Полковник свернул налево и, дойдя до середины коридора, открыл одну половину широкой двустворчатой двери с надписью «Приемная».

– Здравствуйте, Ниночка, – поприветствовал полковник симпатичную молоденькую секретаршу, встретившую его взглядом, выдававшим отсутствие всякого пиетета к высокому званию посетителя. – Доложите, прибыли Сигизмундов и Лесовой.

Девушка вспорхнула из-за стола и без стука вошла в кабинет, на котором красовалась бордовая табличка «Начальник отдела доктор психологии Георгий Шалвович Кварацхелия». Через несколько секунд появилась обратно и, придерживая дверь, приветливо сказала, глядя на подтянувшегося капитана:

– Проходите! Георгий Шалвович ждет.

В строгом, почти аскетическом кабинете перед огромным компьютерным монитором сидел человек, при виде которого Лесовой вздрогнул от неожиданности. Лицо его было белым, как лист мелованной бумаги, а совершенно седые волосы, мрачные черные глаза и хрящеватый нос с горбинкой еще больше усиливали жутковатое впечатление. Такой цвет лица Николай видел однажды у солдата-токсикомана, который, перепутав ацетон с ядовитым дихлорэтаном, нанюхался отравы и едва не протянул ноги. Когда он через несколько месяцев вернулся из госпиталя, у него было точно такое же лицо. А если уж расширять сравнения, доктор наук был похож на киношного вампира. Если бы он сейчас оскалил зубы и показал длинные заостренные клыки, Николай, наверное, ничуть бы не удивился.

– Товарищ генерал, полковник Сигизмундов по вашему приказанию... – полковник вытянулся перед «вампиром» так же, как совсем недавно перед ним самим тянулись сотрудники медицинской лаборатории.

– Садитесь, полковник, – перебил, поморщившись, хозяин кабинета. – А вы, как я понимаю, капитан Лесовой?

– Так точно! – ответил Николай, как положено по уставу, но без особого усердия и пожирания начальства глазами. Он навидался в своей жизни достаточно генералов, а этот даже не был пока его непосредственным начальником.

– И вы присаживайтесь, капитан, – Кварацхелия показал на стулья, приставленные к столу для заседаний. Говорил он по-русски совершенно чисто, но все равно чувствовался едва уловимый, но неистребимый акцент, как у любого человека, который хотя бы в детстве разговаривал по-грузински. – Давайте свои бумаги, полковник.

Сигизмундов вскочил, как на пружинах, и положил перед доктором распечатки.

Генерал бегло проглядел их и сказал Сигизмундову, посмотрев на часы:

– Можете быть свободным до девятнадцати ноль-ноль, Александр Петрович. У нас с капитаном будет долгий разговор.

Глава 4

«Вы нам подходите, капитан!»

Сигизмундов ушел, а доктор Кварацхелия погрузился в изучение бумаг. На этот раз он не ограничился беглым знакомством, а внимательно вчитывался в каждую строчку, делая иногда пометки цветным маркером и бормоча про себя:

– М-м-м, хорошо... хорошо... ага! Очень хорошо! То, что нужно!

Это продолжалось так долго, что капитан заскучал. Он успел, по вбитой в свое время безжалостными инструкторами привычке, рассмотреть и запечатлеть в памяти каждый предмет в кабинете, не говоря уж о самом его хозяине. Если придется, даже через месяц он сможет безошибочно восстановить в памяти картинку и сказать, какого цвета авторучка лежала перед доктором, сколько стульев стояло около стола и на сколько пуговиц был застегнут его пиджак.

Теперь он пытался прочесть бумаги, которые рассматривал доктор. Читать перевернутый вверх ногами текст Николай умел так же легко, как обычный, но генерал переворачивал каждый прочитанный лист чистой стороной вверх, а взяв очередной, приподнимал его так, чтобы Николаю не было видно, что там написано. Ничего удивительного в этом не было, капитан обычно поступал так же. Когда в его кабинет кто-то входил, он всегда переворачивал бумаги текстом вниз, даже если вошедший был коллегой-милиционером.

Ну и ладно, подумал он. Не очень-то и хотелось. Николай и без того знал, о чем говорят результаты тестов. Железобетонная психика, абсолютно здоровый организм, которому даже пуля, прошедшая через мягкие ткани, не причинила никакого ущерба. Может быть, местные эскулапы определяют еще какие-то параметры, до изучения которых не додумались военные врачи? Ладно, нужно будет, ему и так все скажут, а нет – невелика потеря. Жаль только будет пропавшего отгула, который можно было провести с большей пользой...

Наконец генерал перевернул последний лист и поднял на Николая мрачные черные глаза, взгляд которых, в сочетании с не совсем, мягко говоря, обычной внешностью, человека послабее мог бы довести до нервных судорог. Ну, вылитый злой колдун из фильма-сказки!

– Вы нам подходите, капитан! – сказал он с такой уверенностью, будто все было окончательно решено, в том числе самим Лесовым.

– Зато я не уверен, подходите ли вы мне! – невозмутимо ответил Николай. – Хотя бы потому, что не знаю, что вы хотите мне предложить, товарищ генерал.

Со стороны могло показаться, что произнес он эти не совсем почтительные слова, почти не задумываясь, но это было не так. В голове почти мгновенно промелькнули несколько вариантов ответа, из которых он выбрал один. Доктор не должен был подумать, что имеет дело с послушным болванчиком, готовым жадно заглотить аппетитно выглядящую наживку.

– Подходим, подходим! Можете в этом не сомневаться! – улыбка на лице бледнолицего монстра выглядела совсем уж чудовищно. – Вы быстро в этом убедитесь. И называйте меня просто Георгий Шалвович, или доктор, как вам больше нравится. Никогда не был военным и не люблю этих званий. И так в министерстве генералов развелось столько, сколько, наверное, не было во всей Советской армии. А из меня какой генерал?

После этих слов Николай, полностью разделявший его мнение не только об МЧС, но и по отношению ко всем силовым ведомствам вообще, решил, что доктор не так уж несимпатичен и не стоит судить о человеке, руководствуясь первым впечатлением.

– Вот Сигизмундов – тот настоящий полковник. Даже я не могу отучить его от военных замашек. Надеюсь, с вами будет проще? – не то спросил, не то утвердил доктор. – Судя по тестам, вы хорошо обучаемы...

– Легко поддаюсь дрессировке? – усмехнулся Николай.

– Нет, – не принял шутки Григорий Шалвович и потряс пачкой бумаг. – Здесь написано «легко усваивает новую информацию».

Во всяком случае, надо выслушать предложения, решил Лесовой. Какими бы они ни были. Его от этого не убудет, а польза может получиться. Тем более что, откровенно говоря, он давно уже тяготился милицейской службой. Ну, не создан он был для нее, и все! И с друзьями на новом месте как-то не сложилось. Приятелей полно, а настоящих друзей – ни одного. Так что из милиции Николай ушел бы без особого сожаления. Но сначала надо узнать, не будет ли это обменом шила на мыло.

Вообще-то, Николай подготовился к сегодняшнему дню. Вернувшись вчера домой, вошел в Сеть и ввел в поисковую строку короткую аббревиатуру «МЧС». По привычке рассматривать любую проблему со всех сторон, искал не только официальные сайты, но и компромат на министерство и его главу. Грязи на министра-долгожителя, пережившего добрый десяток правительств, вылили в Сети немало, но капитан был убежден, что такие сведения нужно делить примерно на восемь, а после еще раз пропустить через сито здравого смысла. Кое-что он все-таки на ус намотал. Например, то, что в министерстве существовал собственный спецназ, костяк которого составили выходцы из «Альфы», «Вымпела» и других спецподразделений, гэбэшных и армейских. Может быть, его хотят пригласить именно туда? Но при чем тогда какой-то научно-исследовательский центр с его исследованиями аномальных явлений?

– Вы, наверное, думаете, что нас привлекла ваша армейская подготовка и мы приготовили для вас соответствующее предложение и место в военизированном подразделении? – доктор будто прочитал мысли Николая. – Если так, то ошибаетесь. Конечно, там бы вы оказались на своем месте, но спецподразделение, насколько я знаю, не испытывает недостатка в кадрах, да и проходит оно не по моей епархии. Вы представляете для нас интерес совсем по другой причине. У вас есть некоторые качества, позволяющие использовать вас на другой, куда более ответственной работе.

Николай, не скрываясь, хмыкнул. Что-то не замечал он за собой чего-то исключительного, такого, что могло заинтересовать высокое начальство. Если только местные экспериментаторы действительно не изобрели новые способы вывернуть душу наизнанку и вытащить оттуда нечто потаенное, о чем сам он никогда не догадывался.

– Напрасно улыбаетесь, Николай Васильевич! – упрекнул его Кварацхелия. – В вашем личном деле нашлось много интересного, такого, о чем вы и сами не знаете. Наши тесты подтвердили эти сведения, да еще выявили много нового. Таких тестов вы раньше не проходили, потому что они – недавняя разработка нашего Центра. Могу даже похвастать – процент ошибок при их прохождении близок к нулю. Короче говоря, вы идеально нам подходите.

– Для чего подхожу? – не выдержал Николай. – Может быть, пора и меня посвятить в страшную тайну?

– Конечно, конечно, – легко согласился доктор. С каждой минутой страхолюдность куда-то уходила, и он начинал казаться Николаю почти нормальным человеком. – Насчет работы... вы ведь занимались в своей конторе поисками пропавших людей?

– Занимаюсь! – поправил Николай.

– У нас будете делать то же самое, – Кварацхелия сделал вид, будто не услышал его. – Только на другом уровне.

Лесовой ожидал чего угодно, но не этого.

– Как? – спросил он растерянно. – Какое отношение имеет спасательная служба...

– Самое прямое! – ответил доктор. – Вам, разумеется, известно, что в России ежегодно пропадает около семидесяти тысяч человек?

Конечно, по роду службы Николай отлично знал эту статистику. Знал и то, что в конце концов большинство из пропавших отыскивается. Кто-то возвращается домой сам, не понимая даже, из-за чего поднят переполох. Чаще всего это люди, уехавшие на заработки в другие местности или за границу. Потерпев фиаско, они не желают сообщать об этом родным и подолгу не подают о себе вестей. Кто-то попадает в аварию или их настигают неожиданные приступы болезни, они оказываются без документов на больничных койках и в силу тяжелого состояния не могут подать о себе весточку. А кто-то вытаскивает весной из-под снега в виде неопознанных трупов. Некоторые пропавшие находятся сами, выходя к людям в самых неожиданных местах, иногда в тысячах километров от того места, где исчезли. Полностью лишенные памяти, они не могут вспомнить не только того, что с ними произошло, но даже своих имен. И, наконец, особняком стояли случаи, примерно десять процентов от общего количества пропаж, не поддающиеся никакому рациональному объяснению. Загадочные бесследные исчезновения...

– Разве такое положение, когда, по сути, ежегодно пропадает население небольшого города, нельзя назвать чрезвычайной ситуацией? – продолжил доктор. – Когда ни один человек в стране не может чувствовать себя в безопасности?

– Но для этого существует милиция! – попытался возразить Николай. – Да и частные детективные агентства тоже занимаются розыском.

– Занимаются! – согласился Георгий Шалвович. – И даже находят большую часть пропавших. Но вы отлично знаете, что от пяти до десяти тысяч человек ежегодно пропадают без всякого следа. В основном это молодые люди в трудоспособном возрасте и дети. Согласитесь, достаточное количество, чтобы бить тревогу?

– Согласен, – кивнул Николай. – Только «без всякого следа» – слишком сильно сказано. Просто их плохо искали.

– Ошибаетесь! – возразил доктор. – Может быть, милиция и плохо искала, зато мы провели один эксперимент, и сделали это со всем усердием. Отобрали с десятков самых загадочных случаев и провели по ним тщательное расследование. И в каждом случае с пугающей закономерностью упирались в тупик. Единственная зацепка – все исчезновения имели между собой нечто общее...

– Что именно? – спросил Николай с профессиональным любопытством.

– А вот это вы узнаете, только когда окажетесь у нас в штате! – отрезал доктор. – Не обижайтесь, но информация засекречена, и для ознакомления с ней нужен специальный допуск.

– Тогда хотя бы скажите, почему вам понадобился именно я? Что за особые качества вы у меня обнаружили?

– Вот на этот вопрос я могу ответить. Вкратце – при отсутствии каких-либо данных к научной работе, у вас тем не менее необычайно сильно развиты интуитивные аналитические способности, позволяющие вам почти мгновенно принимать правильные решения. В самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. В вашем досье имеется немало примеров. Ну, еще отличная реакция и немало других достоинств, присущих большинству ваших коллег по спецназу. Однако не это самое главное.

Доктор устремил на Лесового тяжелый взгляд, от которого по коже невольно побежали мурашки, помолчал немного и сказал:

– Я лично провел подробный анализ всех боевых операций, в которых вы принимали участие, изучил документы, даже опросил свидетелей. И знаете, к какому пришел выводу? У вас практически не было шансов дожить до сегодняшнего дня. То, что вы сейчас сидите передо мной, опровергает теорию вероятностей. Попросту, вам все время невероятно, фантастически везло. Даже то, что вы ушли из армии... Разведгруппа, в состав которой вы неминуемо бы вошли, оставшись служить, погибла в горах в полном составе!

Каждая из мурашек, бегавших по коже, выросла до размера порядочного скорпиона. Николая и раньше называли везунчиком, но чтобы так... Он сам не раз задумывался над этим и сделал для себя определенные выводы, поэтому сейчас у него не было оснований не доверять доктору.

– Какую должность вы мне предлагаете? – спросил Николай деловым тоном, скрывая дурные мысли. Он был уже почти согласен.

– Любую, на ваше усмотрение.

– То есть? – Николай недоуменно посмотрел на доктора. Заметив его взгляд, тот пояснил:

– Как захотите, так и обзовем. Оперативником, следователем, кем угодно. Хоть начальником розыскной части. Бумага все стерпит. Главное, что заниматься вы будете розыском людей, указанных мной или полковником Сигизмундовым. Я уже подготовил проект приказа о присвоении вам звания майора, и если вы скажете «да», я сегодня же подпишу его у министра. В вашем распоряжении будет служебная машина...

– Машина у меня есть... – перебил его Николай.

– Знаю. Но я имею в виду *специальную* машину, – загадочно улыбнулся Георгий Шалвович, сразу став похожим на развеселившегося вампира. – Ваша пусть пока постоит в гараже. Еще я навел справки о милицйских окладах. У вас он будет в два раза выше, чем на прежнем месте. Оплата командировочных – по фактическим тратам. Особая статья – оперативные расходы. Взятки, расчеты с агентами, покупка информации, да мало ли что еще. Или вы что-то имеете против взяток?

– Конечно, имею! – ответил Лесовой. – Но и без них никуда не денешься...

– К сожалению, вы правы, – вздохнул доктор. – Оперативным фондом будете пользоваться по своему усмотрению. Бухгалтерия не будет требовать от вас финансовых отчетов – я привык доверять своим сотрудникам. И еще – мы договорились с вашим прежним начальством, и у вас не будут отбирать служебное удостоверение. «Забудут», так сказать. В случае чего всегда сумеете им прикрыться.

По мере перечисления всех чудес глаза у Николая вылезали на лоб выше и выше. О таких условиях в милиции не приходилось и мечтать. На оперативные расходы выделялись сущие копейки, а за каждый рубль командировочных приходилось отписываться кучей бумаг, и все равно начальник финансовой части вынимал душу, стараясь ограничить ненужные, по его мнению, траты, перевалив их на небогатые оклады оперативников. А те, естественно, старались возместить потери, часто не совсем законными способами.

– Ну что, да или нет? – доктор погасил улыбку и остановил взгляд на переносице Николая.

– Да! – одним коротким словом капитан отрезал пути отступления. Он никогда не забирал назад сказанного слова.

– Вот и отлично! – спокойно сказал новый шеф. Без сомнения, он не ожидал другого ответа.

Николай хотел подняться со стула, но доктор остановил его движением руки.

– Вы, наверное, слышаны о странных увлечениях нашего министра? – спросил он неожиданно. – Мистика, экстрасенсы, еще что-то? Не может быть, чтобы в Интернет не заглянули!

Николай неопределенно пожал плечами.

– Так вот, за семнадцать лет в нашей профессии насмотришься такого, что поневоле поверишь в любую чертовщину! – убежденно сказал доктор. – Так что придется привыкать!

– Разрешите идти? – спросил по-военному Лесовой.

– Идите! – кивнул Георгий Шалвович. – Ваш непосредственный начальник, полковник Сигизмундов, ждет в приемной. Он даст вам нужные указания.

Николай вышел, а генерал еще раз перелистал распечатки, потом набрал номер на многоканальном телефоне и произнес:

– Сергей Маркович? Еще раз здравствуйте! Он согласился. Что? Да, подходит по всем статьям...

Выслушав доктора и попрощавшись, его собеседник поднялся из-за огромного стола, открыл замаскированный под деревянную панелью сейф, в котором хранил самые важные бумаги, и достал из него тонкую папку из черной кожи. Внутри лежала стопка бумаги. Он не раз читал этот текст, некоторые отрывки мог бы цитировать наизусть, но всегда после разговора с доктором его неудержимо влекло перечитать его еще раз. Когда он долго не делал этого, чувство опасности притуплялось, и его начинали одолевать сомнения в реальности описанных доктором событий и его же похожих на бред предсказаний, на самом деле подтвержденных неопровержимыми доказательствами. Но стоило снова погрузиться в записи, и он отчетливо понимал, что снова пытается спрятать голову в песок. А делать это он не имел права. Потому что никто, кроме него, не мог предотвратить надвигающуюся катастрофу.

Министр сел в кресло, раскрыл папку на первой странице, ткнул кнопку селекторного устройства и сказал:

– Меня нет ни для кого, кроме президента.

Глава 5

Инструктаж

Полковник сидел в приемной и что-то рассказывал секретарше. Наверное, веселое, потому что она звонко смеялась, прикрывая рот ладошкой. Теперь Николай внимательнее рассмотрел девушку, которую Сигизмундов назвал Ниночкой. С первого взгляда она показалась ему симпатичной, но теперь, со второго... Со второго взгляда от нее трудно было оторвать глаза. Редкое сочетание натуральных черных волос (почему-то он сразу решил, что волосы не крашенные) с ярко-голубыми глазами и чистой, чуть смугловатой кожей лица придавало ей невероятную привлекательность.

– Освободился? – повернулся Сигизмундов к Николаю. – Тогда пойдем. Ниночка, до встречи.

Но Лесовой стоял столбом, восхищенно разглядывая девушку.

– Пойдем, пойдем! – повторил полковник и взял Николая за рукав.

Лесовой встрепенулся, опомнившись, сказал Ниночке – «до свидания!» и вслед за Сигизмундовым вышел из приемной. Около двери повернул голову и перехватил взгляд девушки, в котором заметил искорку интереса. Это польстило Николаю, и у него в голове забродили игривые мысли.

Пройдя по коридору, Сигизмундов отпер дверь с надписью «Отделение информации», и они оказались в большой светлой комнате с семью компьютерными столами.

– А почему «отделение информации»? – полюбопытствовал Николай.

– А что ты хотел увидеть? – ответил вопросом полковник. – Придумаешь что-нибудь интереснее, поменяем табличку. Все равно никто не знает, чем мы здесь занимаемся.

– Да нет, это я так, – смутился Лесовой.

– Если так, то занимай любое место, – сказал полковник. – Какое понравится.

– А где остальные? – удивился Николай.

– Остальные? – Сигизмундов улыбнулся. – А нет остальных! Ты, да я, да мы с тобой, вот и весь наш отдел. И не знаю, появится ли еще кто-нибудь. Это только генерал решает. Так что готовься работать за семерых! Ладно, ладно, не пугайся! А то вижу, думаешь – ну, попал! Шучу я так. Привыкнешь. Присаживайся, дам тебе вступительные инструкции.

Они уселись за один из столов, и полковник начал свой инструктаж с вопроса:

– Признавайся, напугал тебя шеф?

– Есть немного, – признался Николай. – Вид у него, прямо скажем...

– Ты еще молодцом держался! – похвалил Сигизмундов. – Другие в первый раз вообще заикаться от страха начинают.

– А отчего это у него? – полюбопытствовал Лесовой.

– Извини, но тебе рано это знать. Может быть, потом, когда получишь допуски... А сейчас это к делу не относится. Слушай дальше. В отделе его зовут Вампиром. Даже если шеф случайно услышит, что ты его так назвал, не пугайся, он на это не обижается. С чувством юмора у него все в порядке, даром что выглядит букой. Обижается он только в трех случаях. Первый – если ты будешь сачковать. Второй – если вздумаешь его обмануть хотя бы в мелочи. Сразу предупреждаю – обмануть его невозможно, ложь он чувствует за версту.

– А третий?

– Третий? Третий – если ты хотя бы взглядом обидишь его секретаршу Ниночку.

– Что, они...

– Ничего подобного! – улыбнулся полковник. – Если и есть чувство, то чисто платоническое. Скорее он относится к ней, как к дочери. Его родная дочь погибла несколько лет назад, попав под машину. Жена доктора умерла, не выдержав удара, и он остался один. Я

заметил, как ты смотрел на Ниночку, так что советую – слишком не увлекайся. Правда, на нее все так смотрят...

Сигизмундов поднялся, достал из стоявшего в углу холодильника две полулитровые бутылочки кока-колы, одну отдал Николаю, а вторую опорожнил двумя длинными глотками. Ухнул от наслаждения и сказал:

– Так вот, человеку, на которого обиделся Вампир, очень быстро становится мало места не то что в отделе, а на всей Земле. У него это очень ловко получается. Но если не будешь нарушать правил, убедишься – трудно найти лучшего начальника, чем Георгий Шалвович Кварацхелия. Это я тебе со всей ответственностью говорю. У нас в отделе за него любой готов голову отдать. Короче говоря, завтра прямо с утра пиши заявление в своей конторе. Твой начальник предупрежден и чинить препятствий не будет. Как управишься, сразу сюда. А теперь выметайся, и так я с тобой задержался! У меня, между прочим, семья есть!

И полковник шутливо вытолкал Лесового из кабинета.

Глава 6

Секретные материалы

Похоже, начальник капитана Лесового на самом деле получил с верха нужные инструкции, и увольнение не заняло много времени. В один день Николай сдал дела и оружие, подписал бегунок и к вечеру оказался свободен, как ветер. Как и обещал доктор, милицейское удостоверение у него не отобрали, но на всякий случай попросили написать заявление о его утере, не ставя на нем дату.

Назавтра к восьми утра он подъехал к Центру специальных проектов и позвонил от дежурного полковнику Сигизмундову, который спустился за ним через несколько минут. Проведя Николая в рабочее помещение, он без всякой помпы вручил ему новенькое удостоверение, где значилось звание «майор», пропуск в Центр и пистолет вместе с разрешением на ношение оружия. Потом Лесовой ознакомился с бумагой, грозящей самыми страшными карами за разглашение государственной и служебной тайны. Таких документов за время военной службы он подписал множество, поэтому сейчас подмахнул подписку, почти не глядя.

Быстро покончив с официальной частью, полковник усадил Николая за компьютер, дал флэшку и сказал:

– Сиди, знакомься с материалами. Когда откроешь, сбрось информацию на жесткий диск и закрой своим паролем. Времени у тебя – сколько понадобится. Но когда закончишь, смотри, чтобы от зубов отскакивало. Я проверю. Ты занимайся тут, а я пошел. Дел у меня выше крыши. Столовая на первом этаже, спросишь – покажут.

Полковник ушел, а новоиспеченный майор включил компьютер и вставил в него флэшку. Но, прежде чем открыть ее, пробежался по программам. На его удивление, компьютер оказался девственно-чист. Не было в нем никакого мусора, даже вездесущих пасьянсов. Тогда Николай вошел в Сеть и был приятно удивлен. Такого скоростного Интернета ему еще не приходилось встречать. Он быстро просмотрел новостную ленту и, вспомнив, что надо работать, с сожалением вышел из Сети.

На флэшке оказалось больше трехсот стандартных страниц текста. Представив, сколько у него уйдет времени, чтобы прочитать все это, Николай тяжело вздохнул. А ведь надо было не только прочитать, но и запомнить. А самое главное – осмыслить.

Текст оказался разбит на разделы, и первый из них был датирован тысяча восемьсот семьдесят девятым годом. Удивленно хмыкнув, Николай щелкнул мышкой, и на мониторе открылся первый документ. Кто-то заботливо убрал все «яти» и привел текст в удобочитаемый вид.

«Его Благородию исправнику Слуцкого уезда Минской губернии Ивану Федоровичу Корбуту от станowego пристава Гатальского.

Довожу до сведения Вашего благородия, что не далее чем позавчера, третьего апреля одна тысяча восемьсот семьдесят девятого года, в селе Малые Сливы произошел случай, о котором я обязан Вам сообщить, дабы выполнить свой долг с усердием, положенным полицейскому чину. Вчера к вечеру ко мне приехал сотский из села Малые Сливы Григорий Пархимович и сообщил, что днем у них таинственно пропал кузнец Казимир Киселев. Сотский говорил такое, во что никак невозможно было поверить, но когда я понюхал его, он оказался трезв. К тому же Пархимович известен как справный мужик и пользуется доверием у младших полицейских чинов.

Так как под рукой не оказалось ни одного полицейского урядника, я лично сел с сотским в телегу и отправился в Малые Сливы, чтобы на месте во всем разобраться.

По дороге указанный сотский Пархимович довел до меня подробности происшествия. По его словам, с утра Киселев вместе с сыном Васькой, семнадцати лет от роду, работали в кузне, что стоит на окраине Малых Слив, вдали от остальных домов. Сколько было времени, когда его приперло, Васька точно не знает, потому что отродясь часов не имел. Он вышел за кузню, чтобы справить малую нужду, а когда вернулся, отца в кузне не было, зато стоял запах, как после грозы, но грозы в тот день тоже никакой не было, а светило солнце. Васька подумал, что отец куда-то вышел, и выглянул из кузни посмотреть на дорогу, но вокруг никого не было, дорога пустая в обе стороны, а вокруг ничего, где можно спрятаться. С того часа Киселев не появился, и Васька, испугавшись за отца, побежал сообщить сотскому. Пархимович заподозрил, что дело нечисто, и поехал в уезд.

Приехавши в Малые Сливы уже в темноте, я не стал устраивать разыскания, отложив их на утро. А утром, взяв Ваську и Григория Пархимовича, пошли в указанную кузню. Сотский с вечера догадался закрыть кузню на замок, и любопытные не смогли порушить место происшествия, только изрядно натоптали вокруг кузни, но с этим сотский не мог ничего сделать. Виновных в том я не мог сыскать и наказать, потому что никто не хотел признаваться.

Когда открыли кузню, запах еще сохранялся, только не просто как после грозы, а было что-то еще, какой-то запах, но точно сказать не могу, потому что запах незнакомый и я не знаю ему названия. Это показалось мне странным, потому что после грозы запах так долго не держится. Действуя по инструкции, я в присутствии указанных Васьки Киселева и Григория Пархимовича произвел полный осмотр помещения кузни и нашел на полу следующие предметы:

- 1. Железную пряжку от ремня.*
- 2. Двенадцать медных пуговиц.*
- 3. Нож без рукоятки.*

4. Два пятиалтынных, один гривенник, один пятак и шесть копеек по копейке, всего пятьдесят одна копейка. Больше ничего интересного я не нашел.

В железной пряжке Васька признал пряжку, которую кузнец Киселев собственноручно сделал к своему ремню. Пуговицы, по его словам, были похожи на оные с одежды кузнеца. Нож Киселев тоже собственноручно выковал и всегда носил на поясе в кожаных ножнах. Только почему-то на нем не нашлось костяной ручки. А насчет пятидесяти одной копейки, то, по словам Васьки, раньше деньги на полу в кузне никогда не валялись, потому как был его отец не тот человек, чтобы ими раскидываться. По моему предположению, эти деньги могли быть выронены из кармана пропавшего кузнеца.

С самой пропажи и до сего времени пропавший кузнец Киселев нигде не появлялся, никто его не видел, и посему, сочтя происшествие достойным внимания Вашего благородия, отправляю Вам это донесение.

К сему с выражением глубочайшего почтения становой пристав отделения полиции Слуцкого уезда Минской губернии Гатальский.

5 апреля 1879 года по Р.Х.».

Николай щелкнул мышкой, выводя на монитор следующий текст, и подумал – эк, хватило! В какую старину занесло! Тут своих пропавших сосчитать не успевают, а они какого-то кузнеца, исчезнувшего в позапрошлом веке, вздумали искать! Но не зря ведь Сигизмундов подсунил этот документ. Наверняка с подачи доктора.

Времени до обеда оставалось еще вагон, и Лесовой углубился в чтение следующего раздела.

«3 февраля 1919 г.

Начальнику уездной Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем товарищу Гельфанду от командира Красногвардейского отряда по охране Дома предварительного заключения.

Довожу до вашего сведения, что вчера во вверенном под мою охрану учреждении произошел таинственный случай, которому я не могу дать никакого объяснения.

По причине большого количества ежедневно прибывающих арестованных, камеры в учреждении сильно переполнены, и исправить положение не может даже ежедневное исполнение приговоров, каковое лишь отчасти облегчает нагрузку. Так, в камере номер восемнадцать к моменту происшествия, подробности которого привожу ниже, находились сорок четыре арестованных на восемь лежащих мест. Решетки на окнах, часовые вдоль наружной стены и два конвоира в коридоре исключают любую попытку побега. Кроме того, находящееся в камере буржуазное и поповское отребье находится в состоянии, исключающем любую попытку побега, потому что передвигаются с трудом. Потому я называю случай таинственным.

Проходя мимо восемнадцатой камеры, внутренний караульный почувствовал доносившийся оттуда запах. Пахло, как после грозы, и еще примешивался какой-то запах, но какой именно, караульный затрудняется сказать. Заглянув в глазок, он обнаружил, что камера пуста. Караульный немедленно вызвал начальника смены и меня, мы вместе вошли в камеру, но не обнаружили там ни одного арестованного ни на нарах, ни под нарами. Запах все еще сохранялся, но мне не удалось определить, что примешивалось к запаху грозовых разрядов. От пропавших арестованных на полу остались только множество металлических пуговиц и других металлических предметов, в том числе два ножа, неизвестно кем пронесенных в камеру, но почему-то одни клинки, без рукояток.

Не находя разумного объяснения случившемуся, предлагаю создать для расследования специальную комиссию из сотрудников ЧК с привлечением в нее ученых специалистов из числа преданных Советской власти.

Командир Красногвардейского отряда Павел Ильич Кирсанов, член Партии Большевиков с восемнадцатого года».

«Что за чушь?» – подумал Николай. Неужели Сигизмундов думает, что он поведется на этот бред? Похоже, что автор донесения или хлебнул лишнего, или нанюхался модного в то время кокаина, упустил арестованных, а когда протрезвел – испугался и принялся строчить оправдательные бумаги.

Однако на этом раздел еще не кончался.

«4 февраля 1919 г.

Начальнику уездной Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем товарищу Гельфанду от следователя указанной ЧК с особыми полномочиями Захара Прохоровича Барсукова.

Рапорт.

Расследуя дело о бегстве из-под стражи сорока четырех врагов Советской власти, из которых девятнадцать – арестованные белогвардейцы, четырнадцать – представители местной буржуазии и лавочники-спекулянты, а остальные одиннадцать из поповского сословия, я выяснил следующее. Ничего таинственного в случившемся я не усмотрел. По моему убеждению, побег произошел посредством подкупа караульных и самого начальника охраны Кирсанова. Какой-то запах действительно имел место в камере, но при такой скученности заключенных я не усмотрел в том ничего странного. Зато, проверив происхождение самого Кирсанова, обнаружил, что оно совсем не пролетарское. Отец его до революции владел скобяной торговлей в Тамбовской губернии, а сам он был студентом Московского

университета, и неизвестно еще, как ему удалось проникнуть в ряды нашей Партии. Пользуясь данными мне особыми полномочиями, я приказал Кирсанова и всю допустившую побег караульную смену расстрелять, а расследование прекратить. Поиск сбежавших поручен специальному отряду под командованием члена Партии, бывшего балтийского матроса Толстоногова.

Следователь уездной ЧК с особыми полномочиями Захар Прохорович Барсуков».

«Быстро у них дела решались!» – подумал Николай и, заперев кабинет, отправился в столовую.

Глава 7

Секретные материалы (продолжение)

Третий раздел, к изучению которого Николай приступил после обеда, относился к тридцатым годам двадцатого века и полностью состоял из донесений сотрудников НКВД и стенограмм совещаний этого же ведомства. Лесовой открыл первую стенограмму, датированную июнем тридцать седьмого года, и начал читать.

«Товарищи! Сейчас перед вами выступит старший майор государственной безопасности Яков Моисеевич Верный. Он доложит об участившихся случаях исчезновения людей, разоблаченных как враги народа. Пожалуйста, товарищ Верный!

– Здравствуйте, товарищи чекисты! (Аплодисменты.) Должен довести до вашего сведения, что только за три последних месяца произошло семь случаев, о которых говорил только что председатель парткома управления товарищ Михайлов. Происходят странные события, товарищи! Наши сотрудники приезжают ночью, чтобы арестовать разоблаченного врага народа, и что вы думаете? В доме переполох, никто не спит, а самого врага народа, как говорят члены его семьи, только что увезли приехавшие на машине неизвестные люди, предъявившие документы сотрудников НКВД и постановление на арест!

В шести случаях из семи удалось обнаружить следы машины, но саму ее, как и фальшивых сотрудников, увидеть ни разу не получилось. И только один раз, приехали арестовывать главного инженера металлургического завода Кольчугина, который оказался саботажником и агентом финской разведки, так наши сотрудники успели выбежать на улицу и увидели, как за угол свернул черный легковой автомобиль марки «Паккард». За ним погнались, но не догнали.

Вот тут у меня рапорта сотрудников – лейтенанта государственной безопасности Морозова и сержантов государственной безопасности Прибытько и Рагимова. Все они утверждают, что почти уже догнали автомобиль неизвестных лиц, выдававших себя за сотрудников НКВД, когда машина на улице Свердлова бесследно растаяла в воздухе. На месте, где они потеряли преследуемую машину, стоял сильный запах озона с какой-то непонятной примесью. Будто кто-то ставил там электрические опыты. Кстати, похожий запах отмечали и в других случаях.

Последующая проверка всех троих: лейтенанта и обоих сержантов, показала, что все они были трезвы и не находились в тот момент под воздействием каких-либо препаратов, способных вызвать галлюцинации. На допустивших упущения по службе сотрудников наложены строгие взыскания.

Но мы с вами коммунисты, товарищи, и не можем уподобляться отдельным несознательным гражданам, распускающим в городе контрреволюционные слухи. (Бурные аплодисменты.) Кстати, двое из этих несознательных граждан арестованы и находятся сейчас в следственном изоляторе управления. Они болтали на всех углах, что людей, за которыми приходят сотрудники госбезопасности, выкрадывают черти, оставляя после себя запах серы. Хотя запах, оставленный похитителями, меньше всего похож на запах серы.

Товарищи, Коммунистическая партия большевиков и товарищ Сталин учат нас подходить ко всем непонятным явлениям с точки зрения марксистско-ленинской науки и, отвергая антинаучные бредни, искать в каждом из этих событий рациональное зерно. Если нужно, мы, большевики, самого черта возьмем за хвост! (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.) Но оставим шутки, товарищи. Есть мнение, что в области существует тщательно законспирированное антисоветское подполье, которое пытается увести своих членов от карающего меча органов защиты социалистической революции. Но это у них не

пройдет! Наша задача – найти и обезвредить вражье гнездо и железной революционной метлой...»

На этом стенограмма обрывалась. Наверное, дальше старший майор Верный погнал такую пургу, что Сигизмундов посчитал ненужным включать ее в предложенные для ознакомления материалы. Зато потом в этом разделе шли совсем уже фантастические донесения агентов НКВД, собранные во всех концах СССР, от Киева до Владивостока. Их было много, и сценарий был примерно тот же, что и в докладе старшего майора. Неизвестные люди с документами сотрудников ГУГБ похищали врагов народа из арестных списков и бесследно исчезали, оставляя после себя в девяти случаях из десяти запах озона.

Чем дальше Николай читал, тем большее сомнение в здравомыслии авторов приведенных исторических документов одолевало его. Он уже заканчивал знакомство с разделом, когда вернулся полковник Сигизмундов.

– Двигутся дела? – спросил он с порога.

– Двигутся, – хмуро ответил Лесовой и показал на экран компьютера с донесением уполномоченного ГУГБ по Балахнинскому району Горьковской области, в котором тот докладывал о таинственном исчезновении начальника железнодорожной станции Газимагомедова, разоблаченного пособника антисоветской националистической организации. По содержанию донесения можно было безошибочно сказать, что писал его человек, трясущийся от страха, и уже по одному этому признаку доверять его объективности было нельзя.

– И как тебе? – спросил с улыбкой полковник.

– Знаешь, – заметив улыбку, Николай рассвирепел, но не подал вида, – я не могу понять, за кого вы меня принимаете? Я три с лишним года занимался поиском пропавших без вести и всякого навидался. Но зачем ты подсунул мне эти бредни свихнувшихся от чужой крови энкаведэшников?

Лицо полковника стало серьезным. Он взял стул и сел напротив Николая.

– А теперь послушай меня, майор. Каждое слово из того, что ты называешь бреднями, задокументировано, десять раз проверено и подтверждено свидетельскими показаниями. Ты на чем остановился?

– Второй раздел. Тридцатые годы, – ответил Николай, не понимая, куда клонит полковник.

– И только-то? – усмехнулся Сигизмундов. – Это еще семечки! Дойдешь до военных лет, там такое пойдет – волосы дыбом станут!

– Вот я и говорю... – попытался вставить Николай, но полковник стукнул кулаком по столу и резко перебил его:

– Может быть, ты считаешь, что с тобой здесь шутки шутят? Напрасно! Если ты не веришь, что наш отдел занимается серьезными делами, то лучше уж тебе сразу вернуться в милицию. Ты был там на хорошем счету, и тебя с радостью возьмут обратно. Но все-таки я советую тебе хорошенько подумать. Я знаю, что ты не веришь в то, что называют сверхъестественным, но мир гораздо сложнее, чем нам кажется. А пока даже не советую, приказываю – читай дальше! Поговорим, когда закончишь.

Полковник неожиданно весело подмигнул Николаю и сказал совсем другим тоном:

– Мы здесь все немножко чокнутые! Поработаешь с нами, сам таким станешь! Но зато у нас интересно!

Сигизмундов снова ушел, а Николай вывел на экран компьютера текст следующего раздела и снова углубился в чтение.

«Народному Комиссару внутренних дел, Генеральному Комиссару государственной безопасности тов. Берия Л.П. от помощника Наркома, старшего майора государственной безопасности Кривулина С.П.

Совершенно секретно. 21 августа 1941 г.

Довожу до Вашего сведения, что назначенная по Вашему указанию встреча Вашего личного агента Р. с членом германского правительства Н. состоялась 19 августа сего года. На поставленный вопрос о судьбе отдельного парашютно-десантного батальона особого назначения, десантировавшегося в районе Домброва Бялостока и попавшего в окружение, Н. пояснил, что в числе советских воинских частей, взятых в плен германскими войсками, указанный батальон не значится. Высадка парашютистов, бой и окружение в указанном районе советской воинской части действительно имели место. Но когда германские войска замкнули кольцо, парашютисты неожиданно прекратили сопротивление. При последующем осмотре их позиций не было обнаружено ни одного живого советского военнослужащего. Убитых насчитали шестьдесят четыре человека. Таким образом, бесследно исчезли двести двадцать семь советских солдат и офицеров. По категорическому утверждению Н., указанные военнослужащие в списках военнопленных не значатся. В рапорте командира полка СС, проводившего указанную операцию, отмечен сильный запах озона с какой-то непонятной примесью, долго стоявший над полем боя. Большие никакими сведениями о судьбе специального парашютно-десантного батальона Н., по его словам, не располагает.

Также были обсуждены вопросы...»

Дальше шло такое, от чего у Николая волосы поднялись дыбом. За последние годы открылось немало тайн Второй мировой, но о таком плотном сотрудничестве разведок, а значит, и руководителей воюющих друг с другом государств Николаю слышать не приходилось. Заканчивался документ припиской, очевидно, составленной самим наркомом:

«Кривулину. Ориентировать весь аппарат личных агентов в Германии и союзных ей государствах на разыскание любых следов военнослужащих специального парашютно-десантного батальона, особенно его командира – Зверева Ивана Кирилловича. (Последние слова подчеркнуты.) Пропавший батальон провести по документам как погибший в неравном бою с немецко-фашистскими войсками. Обеспечить полную секретность полученной от агента Р. информации, в том числе недопущение ее распространения в аппарате ГУГБ НКВД СССР. За соблюдение тайны отвечаете лично».

Лесовой покачал головой. Он представил, что значили в то время и в тех кругах два коротких слова – «отвечаете лично», и ему стало слегка не по себе...

После этого документа пошли перечисления достоверно установленных случаев бесследного исчезновения воинских подразделений и целых частей. Не только советских, но и немецких, японских, а также союзнических. Даже если отбросить сомнительные случаи, с тысяча девятьсот тридцать девятого по тысяча девятьсот сорок пятый год при таинственных обстоятельствах пропали не меньше трехсот тысяч военнослужащих. Но на фоне десятков миллионов погибших эти потери остались незамеченными. И тем более немногие обратили внимание на запах озона, неотрывно сопровождавший эти странные исчезновения. Одним из этих немногих был нарком внутренних дел Лаврентия Павлович Берия. Но после войны ему пришлось возглавить атомный проект и в круговерти дел стало не до пропавших без вести. А когда в пятьдесят третьем году он снова ненадолго занял пост министра внутренних

дел, борьба за власть в советских верхах дошла до такой точки накала, что все второстепенные дела отошли на задний план.

Глава 8

Из разряда чудес...

Сигизмундов вернулся ровно в восемнадцать ноль-ноль.

– Ну что, до какого года добрался? – спросил он Лесового.

– Сорок пятый. Маньчжурия, – кивнул Николай на монитор.

– На жесткий диск переписал?

– Так точно!

– Вопросы есть?

– Сколько угодно, – ответил Николай. – Но, думаю, вечер вопросов и ответов лучше устроить, когда я дочитаю все до конца. Может быть, кое-что само прояснится.

– Не надейся! – усмехнулся полковник. – Ладно, давай сюда флэшку и заканчивай на сегодня, пора отдыхать.

– Я могу еще поработать, – возразил Николай. – Дел на сегодня у меня никаких не запланировано, так что...

– Нет! – жестко ответил Сигизмундов. – Успеешь еще поработаться. Я сказал – на сегодня все!

Этой ночью Николаю снились странные сны, в которых шеренги людей в серых шинелях, выставив перед собой винтовки с примкнутыми трехгранными штыками, под раскаты грома и сверканье молний одна за другой исчезали в сплошной пелене дождя.

На следующий день он снова сидел у экрана компьютера, перемалывая все новые и новые данные. После войны количество пропавших без вести значительно уменьшилось, но число исчезнувших при таинственных обстоятельствах осталось прежним. Пропадали самые разные люди и в самых разных местах. Например, в феврале пятьдесят пятого года на Колыме почти одновременно, с разницей в несколько дней, исчезли вместе с охраной все заключенные трех отдаленных лагпунктов, входивших в систему треста «Дальстрой», оставив после себя запах, совпадающий с описанным в прежних случаях. Отличие было в том, что, начиная с пропавших в сорок первом воинов парашютно-десантного батальона, никто не оставлял после себя металлических предметов. Ни пуговиц, ни оружия – ничего. Следов они тоже не оставляли. Так было и на этот раз. Накануне происшествия на Колыме прошел снег, но бойцы конвоя, доставившего в лагпункт на ключе «Серебристый» очередную партию заключенных, не увидели на нем никаких следов, кроме тех, что оставили сами. То же повторилось и в двух других случаях.

Поднятые по тревоге подразделения конвойных войск прочесали прилегающую местность на большом расстоянии, но ни один из пропавших заключенных, как и охранников, так никогда и не был обнаружен. Не дали результатов и предпринятые оперативные мероприятия. По указанию начальника «Дальстроя» Митракова, сведения обо всех трех чрезвычайных происшествиях были засекречены, с участвующих в поисках военнослужащих взяты подписки о неразглашении, а сами пропавшие сактированы как погибшие в результате самых разных несчастных случаев в разных концах огромной территории «Дальстроя».

Начиная с шестидесят третьего года случаи массовых исчезновений почти прекратились. Последним из них была бесследная пропажа населения чукотского стойбища в трехстах километрах от поселка Мыс Шмидта. Зато увеличилось число единичных исчезновений, и общий баланс остался почти неизменным. То есть каждый год страна недосчитывалась от пяти до десяти тысяч своих граждан, пропавших при недоступных для понимания обстоятельствах. В некоторых случаях очевидцы отмечали на месте происшествия запах озона, смешанный с другим, непонятным запахом. Кое-кто из свидетелей утверждал, что он напоминает запах свежескошенной травы. Вот только откуда могла взяться свежескошенная

трава в феврале, в лагерном бараке, построенном на берегу скованного пятидесятиградусным морозом колымского ручья?

География исчезновений имела свои особенности. Разбросанные по всей территории России, они группировались в нескольких местах. В Москве, Санкт-Петербурге (тогда Ленинграде) и других крупных городах концентрировались пропажи, в основном не имевшие таинственной подоплеки. А те, которые нельзя было объяснить с точки зрения материализма, наложенные на карту, образовали несколько обширных пятен, самое большое из которых накрывало золотодобывающие районы Магаданской области, захватывая северо-восточную часть Якутии. Второе, поменьше, располагалось на Северном Урале и включало немалую территорию, прилегающую к нему с европейской стороны. Остальные были бессистемно разбросаны по территории России, в основном в ее малонаселенных районах.

Когда щелкнул замок входной двери и в кабинет вошли Сигизмундов и доктор Кварцхелия, Николай сидел, прихлебывая кофе из большой кружки, и переваривал полученную информацию. При виде начальства он поставил кружку на стол и вскочил с места.

– Здравствуйте, Николай Васильевич! Сидите! – начальник отдела взял стул и присел рядом. – Кажется, вы уже ознакомились с материалами?

– Так точно, Георгий Шалвович, – ответил Николай, вспомнив, что доктор не любит, когда его называют генералом.

– И как впечатление? – ободряюще улыбнулся доктор, снова став похожим на оскалившегося вампира. Но Лесовой уже стал привыкать к необычной внешности начальника.

– Честно? – спросил он.

– Разумеется! – ответил тот.

– Сначала я принял все это за примитивный розыгрыш. Но потом товарищ полковник, – Николай бросил ехидный взгляд на Сигизмундова, – поправил меня, и я понял, что такое серьезное ведомство не будет заниматься ерундой. Да и приведенные документы изменили мое мнение. Но все равно, должен признаться, я мало что понял. Может быть, после соответствующих объяснений...

– Для этого я и пришел, – сказал доктор. – Александр Петрович поможет мне в этом деле.

Сигизмундов кивнул.

– Кстати, я ценю чувство юмора в своих сотрудниках, – ровным голосом сказал Георгий Шалвович. – Но в данном случае прошу вас отнестись к делу со всей серьезностью.

– Так я ведь и не собирался... – начал Николай смущенно, но доктор жестом остановил его:

– Объяснять будете потом. Сейчас задавайте свои вопросы! – он оперся локтями о стол и приготовился слушать.

– Во-первых, – начал Николай после недолгого раздумья, – кто и с какой целью собирал всю эту информацию?

– В органах, начиная с ЧК и кончая ФСБ, всегда существовало подразделение, которое занималось систематизацией и расследованием аномальных явлений. Несколько раз его разгоняли, но всегда потом восстанавливали, потому что необъяснимое начинало копиться и перехлестывать через край, как опара из квашни. А это вызывало ненужные толки, публикации в газетах, брожение умов. Кто-то должен был заниматься всем этим на профессиональном уровне, вот чекисты и взяли задачу на себя.

В числе других необъяснимых с точки зрения современной науки явлений чекисты интересовались и таинственным исчезновением людей. Однако им не удалось даже приблизиться к раскрытию тайны, и все это время они ограничивались лишь регистрацией необъясненных явлений. А после девяносто третьего года подразделение хоть и восстановили, но сильно урезали штаты и бюджет. Так что последние годы даже не все случаи попадают в

статистику ФСБ. Новое начальство сочло деятельность подразделения мракобесием, и его удалось сохранить только усилиями старых специалистов, которые понимали, что к чему.

– А теперь эстафету перехватило ваше министерство? – спросил Николай.

– Наше, майор, наше! – поправил его Сигизмундов.

– Виноват! – ответил Лесовой. – Не привык еще... Наше, конечно!

– Привыкайте! – в присутствии начальника полковник обращался к подчиненному со всей официальнойностью.

Доктор подождал, когда они закончат, и продолжил:

– На сегодняшний день наш министр – единственный член правительства, который понимает всю серьезность сложившейся ситуации. Ее в прямом смысле можно назвать чрезвычайной, и кому, как не нам, ее разруливать? Конечно, у Сергея Марковича, как и у любого человека, есть свои недостатки, но за полтора десятка лет, что он руководит столь специфическим ведомством, ему пришлось насмотреться такого, от чего у многих не выдержала бы психика. Обладая такой обширной информацией, поневоле начнешь со всей серьезностью рассматривать явления, относящиеся с общепринятой точки зрения к разряду чудес. А Сергей Маркович, повторяю, сегодня даже не один из самых – самый информированный в стране человек. Даже более информированный, чем глава государства, который постоянно занят более важными делами. Вы удовлетворены ответом?

– Вполне! – ответил Николай.

– Тогда давайте следующий вопрос.

– Хорошо. Значит, чекисты не смогли раскрыть ни причин, ни обстоятельств исчезновений. Во всяком случае, в материалах я не нашел никаких данных, что это за запах преследовал всех свидетелей. И почему сначала на местах оставались металлические предметы, а потом стали исчезать вместе с людьми? Может быть, вашему... то есть нашему, отделу удалось получить ответы?

– Пока нет, – огорченно ответил доктор. – Ведь отдел занимается не только пропавшими без вести. Собственно говоря, расследовать эти дела министр поручил нам сравнительно недавно, поэтому каких-либо значительных успехов ожидать рановато. Что мы успели сделать – это проанализировать документы и вычленили из общей массы наиболее типичные случаи. С ними вы только что познакомились. А настоящий розыск пропавших практически еще и не начинался. Кстати, до вас им занимался хорошо знакомый вам человек. Правда, совсем недолго.

– Кто? – быстро спросил Лесовой. Похожее на маску лицо доктора оставалось непроницаемым, но Николай почему-то понял, что сейчас услышит нечто важное.

– Дмитрий Олегович Стрешнев, – ответил Кварацхелия, глядя ему в глаза.

Николаю с трудом удалось сохранить внешнее спокойствие. Дима Стрешнев был командиром той самой разведывательно-диверсионной группы, в состав которой он входил. Которая в рейде по горам уничтожила перевозивших героин боевиков и утаила найденные при них деньги...

– Вы сказали, что майор Стрешнев недолго занимался розыском, – произнес он приглушенно. – С ним что-то случилось?

Доктор отвел глаза и так же тихо ответил:

– Месяц назад подполковник Стрешнев пропал без вести...

Глава 9

Из пятерых осталось двое

Доктор распрощался и ушел, а полковник с Лесовым остались.

– Стрешнев вас не сдавал, – сказал Сигизмундов, наливая кофе себе и Николаю. – Ни он, ни остальные твои друзья ни разу не обмолвились, что произошло в том ущелье. Знаешь, я отношусь к тому, что вы сделали, совершенно спокойно. Уверен, сдай вы деньги вместе с наркотиками, они попали бы куда угодно, только не в казну. Скорее всего контрразведчики с большими звездами на погонах списали бы их как израсходованные на оперативные нужды, а сами благополучно растащили их по своим карманам. Даже если предположить невозможное и валюта попала бы в казну, оттуда ее с вероятностью в девяносто девять процентов все равно бы украли. Я говорю не от балды. В верхних этажах власти царят такие нравы, будто они оккупированы клептоманами. А так те доллары пошли на благое дело. Если бы не они, квартиры от родного Министерства обороны ты ждал бы до сих пор. Можешь в этом не сомневаться. Так что считай, что квартира – твой законный трофей.

Полковник помолчал немного и добавил:

– Честно говоря, не знаю, как бы я поступил на вашем месте. Скорее всего, так же.

– Если это не Дима, откуда ты узнал об этой истории? – недоверчиво спросил Николай.

– Когда началось служебное расследование по факту исчезновения подполковника Стрешнева, – отхлебнув кофе, ответил Сигизмундов, – выяснились интересные вещи. Оказалось, что он, не поставив в известность непосредственное начальство, то есть меня, на свой страх и риск, искал убийц своего друга Павла Камкова...

– Что? – поразился Лесовой. – И Паша?..

Капитан Камков был еще одним членом злополучной разведгруппы. Непревзойденный снайпер, балагур и весельчак, знавший тысячи анекдотов и сотни песен, любимец всего подразделения. В той стычке ему прострелили бедро, и Стрешнев тащил его до базы на себе. После госпиталя у него навсегда осталась хромота, и Паша списался из армии по состоянию здоровья. И на тебе – уцелел на войне, погиб на гражданке. А следом за ним Дима Стрешнев... Николай шкурой почувствовал, что дело поворачивает в опасную сторону.

– Да! – подтвердил полковник. – Павла Камкова зарезали в конце прошлого года.

– Но как? – Николай все не мог поверить. – С его подготовкой он мог отбиться от десятка хулиганов.

– А десятка и не понадобилось, – грустно сказал Сигизмундов. – Камков поднимался из метро, и в толпе на выходе кто-то всадил ему в спину заточку. Самое обыкновенное длинное шило, вошедшее точно в сердце. Никто ничего не заметил...

– Но почему? – почти простонал Николай. – Почему Дима не пришел ко мне? У него ведь были мои координаты!

– Наверное, из-за твоей работы, – предположил полковник. – Он не доверял милиции.

Лесовой вспомнил непонятный холодок отчуждения, пробежавший между ним и Димой в последнюю встречу, и понял, что Сигизмундов прав.

– Но Стрешневу удалось узнать, куда направлялся в тот день Камков.

– ?

– Утром Павел позвонил на телефон доверия Московского управления ФСБ и сказал, что у него есть важные сведения, которые он может сообщить работникам службы безопасности только при личной встрече. Ему назначили на четырнадцать ноль-ноль, но за полчаса до этого ваш друг был убит.

– Что было дальше? – мрачно спросил Николай.

– Мы получили расшифровку телефонных переговоров Стрешнева за три последних месяца и сделали вывод, что подполковник вышел на след убийц и собрался самостоятельно свершить правосудие. Скорее всего, в день исчезновения он отправился разбираться с исполнителем... Отпросился у меня пораньше и ушел. С тех пор его никто не видел. Боюсь, что нам не удастся отыскать даже его труп...

– Ты думаешь?..

– Почти уверен.

– Да-а-а! – протянул Николай. – Но ты так и не ответил на вопрос – откуда вам стало известно про те деньги? Ведь наверняка мужики погибли из-за них?

– Это оказалось не слишком сложно, – скромно сказал полковник. – У нас есть доступ к информационным базам Генштаба, есть там и надежные агенты. В общем, хозяева изъятого вами груза сильно на вас обиделись. И не так за деньги – для них это сушая мелочь. Героин стоил несравнимо больше. Но даже эту потерю они могли бы пережить, если бы не одно «но».

– Какое?

– Они потеряли лицо перед людьми, которым предназначался груз, и чтобы обелиться перед ними, решили в качестве компенсации предъявить головы виновных. То есть – ваши.

– Это были люди Исмаил-оглы? – предположил Николай.

– У тебя устаревшие сведения, – улыбнулся Сигизмундов. – Исмаил-оглы застрелен снайпером в Москве еще в прошлом году и с почетом похоронен на родине. Нет, это совсем другая компания.

– Значит, мне нужно крепче держаться за свою голову и постоянно оглядываться? – хмуро спросил Лесовой.

– За кого ты нас принимаешь? – картинно возмутился Сигизмундов. – Разве могли мы бросить на произвол судьбы своего будущего сотрудника? Эти люди живут в Москве и сидят, точнее – сидели, так высоко, что к ним не так-то легко подобраться. Они сумели купить офицера из оперативного отдела ГРУ и выяснить имена разведчиков, задействованных в том рейде. Ваши имена. А когда они узнали, что вы все купили себе квартиры, то окончательно убедились, что именно вы увели их деньги и героин. Но мы тоже не пальцем деланные! Узнав это, мы нашли способ остановить их и восстановить справедливость. Главный из мафиози, обладавший депутатской неприкосновенностью, в назидание остальным случайно отравился несвежим тортиком. Бытовое отравление с летальным исходом, но кому надо, те поняли... А на остальных в МВД поступили такие смачные материалы, что им стало не то что не до вас, а вообще не до героинового бизнеса. Так что, считай, твою жизнь мы сохранили.

– Дела! – печально произнес Николай. – Значит, из пятерых нас осталось всего трое?

– Двое! – осторожно поправил его полковник.

– Как – двое? – Лесовой уже не удивлялся. – Кто еще?

– Старший лейтенант Красильников.

– Что с ним случилось?

– Его жена вышла на несколько минут в магазин, а когда вернулась, мужа дома не оказалось. В квартире стоял сильный запах озона с примесью запаха свежескошенной травы. Больше Красильникова никто не видел. Расследование причин и обстоятельств его исчезновения и стало первым заданием, которое получил Стрешнев в нашем отделе. Но, сам понимаешь, довести дело до конца он не успел. Да что там, он его практически не начал.

– А вы не пытались выяснить, не случилось ли чего со старшим лейтенантом Полищуком? – забеспокоился Николай. – Точнее, бывшим старшим лейтенантом.

Леня Полищук был пятым членом разведгруппы и исполнял в ней обязанности подрытника.

– Как же! Конечно, выяснили. Он уехал на заработки на Колыму, устроился в старательскую артель недалеко от Сеймчана. Второй сезон работает на бульдозере, неплохо зарабатывает. Мы навели справки – с ним все в порядке, жив и здоров.

– Слава богу, хоть с этим ничего не случилось! – обрадовался Николай. – Знаешь, мне кажется, я догадываюсь, какое задание сейчас получу.

– Дело, в общем-то, нехитрое! – улыбнулся Сигизмундов. – Догадаться нетрудно. Конечно, ты продолжишь расследование Стрешнева. Будешь искать пропавшего Красильникова.

– А как насчет самого Стрешнева и Камкова?

– Если ты займешься поисками убийц, я закрою на это глаза. Главное, чтобы это не было в ущерб официальному заданию. Но никакой самостоятельности! Только поиск. Найдешь убийц – докладываешь мне. А то один уже попытался... – Сигизмундов обреченно вздохнул. – Жаль Диму, хороший был мужик. Ладно, проехали. А теперь – о материальном обеспечении.

Полковник протянул Николаю пластиковую карточку с надписью «Мастер-карт».

– Карточка открыта на твое имя. На ней полмиллиона рублей.

– Ого! – округлил глаза Лесовой.

– Вампир говорил тебе, что не будет требовать отчета о расходовании средств? – спросил полковник.

Николай кивнул.

– Да, он привык доверять сотрудникам. Но предупреждаю – он доверяет, а я проверяю. Так что не советую...

– Тогда забери ее обратно, – спокойно сказал Николай, запустив пластиковый прямоугольник по столу в сторону полковника.

– Не ломайся! – так же спокойно ответил тот и щелчком отправил карточку обратно. – Без денег в наше рыночное время ты и шагу не ступишь, а нам нужны результаты. Поехали дальше. Внеси в свой телефон вот этот номерок. На постоянной связи с отделом находится группа немедленного реагирования из специального подразделения министерства. Как только почувствуешь, что приходится совсем хреново, позвонишь, назовешь пароль, и группа окажется в твоем распоряжении. Пароль меняется ежедневно, будешь узнавать его каждое утро по другому номеру, вот этому. Спрашиваешь Иван Ивановича и ждешь ответа. Третье слово произнесенной абонентом фразы и будет паролем. Может быть, это будет матерное слово, но ты не обращай внимания.

– Прямо, как в кино про шпионов! – улыбнулся Лесовой. – А если я нахожусь за пределами Москвы или нет времени на объяснения по телефону?

– Для таких случаев предусмотрена вот эта штукавина, – полковник протянул ему пластиковый брелок для ключей. – Раздавишь ее, в эфир пойдет сигнал, и через минуту будет объявлена боевая тревога для спецподразделения с указанием твоего пеленга.

– Нормально! – уважительно сказал Николай. Несомненно, полковник был настоящим профессионалом. Похоже, до прихода в отдел ему пришлось послужить по ведомству рыцарей плаща и кинжала.

– А теперь пошли в гараж, – сказал Сигизмундов. – Посмотришь свою новую машину.

«Новая» машина оказалась невзрачной серой «Волгой ГАЗ-24», судя по документам, сошедшей с конвейера двадцать лет назад. Какой-то народный умелец поработал с подвеской, подняв автомобиль над дорогой сантиметров на десять выше положенного, отчего он стал выглядеть сущим уродцем. Увидев помятые пороги, пятна ржавчины на крыльях и трещину, змеящуюся поперек лобового стекла, Николай с сомнением покачал головой и сказал, скрывая обиду:

– Знаешь, Александр Петрович, уж лучше я на своем «бумере» покатаюсь.

– Не спеши! – усмехнулся полковник. – Любишь ты вперед забежать. Это все только камуфляж. На самом деле волжанка – шедевр ручной работы. Даже про кондиционер не забыли!

Он поднял капот горьковского раритета.

– Смотри! Мерседесовский шестилитровый дизель. Работает, как швейцарские часы. Подвеска усиленная, изготовлена по новейшей технологии и отрегулирована в мастерской нашего научно-технического отдела так, что ты не убьешь ее даже на наших дорогах.

Захлопнув капот, Сигизмундов легко заскочил на него, с капота – на крышу машины, попрыгал, отбивая каблуками чечетку.

– Видишь?

На кузове автомобиля после такого варварского обращения не осталось ни малейшей вмятинки.

– Специальная легированная сталь! – похвастался полковник с такой гордостью, будто это он собственноручно изготовил автомобиль. – Броня! Выдерживает очередь из «АКМ». То же и стекла.

Он открыл дверь, нажал кнопку, и стекло поползло вниз. Толщина его оказалась больше сантиметра.

– Резина тоже специальная. Любой прокол, даже пулевая пробоина, моментально затягивается, и давление в колесе автоматически восстанавливается. Привод на обе оси, есть пониженная передача. Проходимость лучше, чем у «УАЗа».

Полковник протянул Николаю ключи, на одно кольцо с которыми был надет брелок сигнализации.

– Вскрыть машину будет трудновато даже самому опытному угонщику. Они с такой системой еще не встречались. Ломиком тоже долгонько придется, если только автогеном. А теперь давай внутрь, покажу тебе начинку.

Сигизмундов сел на переднее пассажирское сиденье, пригласив Николая за руль.

– Здесь, – полковник откинул крышку бардачка, оказавшуюся с изнанки жидкокристаллическим монитором, – компьютер, с которого ты через встроенный спутниковый телефон сможешь войти в Сеть и связаться с нами из любого уголка страны. Даже из глухой тайги. А еще можно получить картинку любого участка местности с разрешением в один метр. Не гарантирую, что разглядишь звездочки на погонах, но конкретного человека опознать при желании можно. Такой техники нет даже в ФАПСИ, поэтому наши переговоры и компьютерную переписку никто не сможет перехватить. Зато в твоём компьютере есть программа, которая позволит тебе прослушать любой мобильный телефон. Достаточно ввести номер. Кроме того, камера заднего вида – да не крутись, все равно не увидишь, – постоянно фиксирует все машины, и в случае необходимости компьютер подаст сигнал тревоги. Такая вот система обнаружения слежки. Срабатывает, когда какая-нибудь машина едет за тобой не меньше пяти минут и повторила хотя бы три твоих поворота. Тебе не придется даже останавливаться, чтобы связаться с базой данных ГИБДД. Компьютер сделает это за тебя и голосом выдаст информацию.

– Александр, – спросил Николай, покачивая головой, – скажи, существует ли в нашей стране хоть малейшая возможность поговорить по телефону, не опасаясь, что тебя слушают несколько пар ушей? И вообще, можно ли человеку остаться одному? Так, чтобы за ним не наблюдали чьи-то глаза?

– Если честно, – ответил полковник совершенно серьезно, – то абсолютно никакой. Но это в принципе. Пока ты живешь тихо, ходишь на свой завод, а вечером выпиваешь честно заработанную кружку пива и возвращаешься домой, ты на хрен никому не нужен. Но стоит тебе вступить в контакт с подозрительными людьми, пусть даже случайный, или хотя бы произнести в трубку «бомба», «взрывчатка» или любое другое слово из особого списка, как

твои переговоры автоматически начнут писать. И не надейся на закон, который требует подписанного прокурором разрешения на прослушку. Этому правилу всерьез подчиняется разве что начинающий следователь районного отделения милиции. А серьезные конторы, в том числе и частные, ни у кого разрешения не спрашивают, потому что располагают собственной техникой, которая позволяет им слушать кого угодно. Нет техники – есть деньги, чтобы обратиться к специалистам. А вот от чужих глаз спрятаться можно. Надо только знать как. Неужели вас этому не учили?

В ответ Николай лишь неопределенно пожал плечами. Мол, понимай как хочешь, а я давал подписку. Конечно, учили! Все, о чем рассказал сейчас Сигизмундов, было ему отлично известно. Провокационный вопрос он задал для того, чтобы проверить полковника на вшивость. К немалому его удовольствию, Сигизмундов прошел проверку без запинки. И все равно, полного доверия еще не было. Пройдя огонь, воду и медные трубы, Николай давно сделал вывод, что доверять можно только тому, с кем побывал в бою и убедился, что этому человеку можно поручить присмотр за своей спиной. Но такой возможности сейчас не было и, к счастью, не предвиделось. Николай, вздохнув, спросил:

– Когда приступить?

– Да прямо сейчас, – ответил полковник.

– Я могу хотя бы ознакомиться с наработками Стрешнева?

– А нет никаких наработок, – развел руками Сигизмундов. – Не успел подполковник приступить к заданию.

– Хотя бы расшифровку его последних телефонных переговоров можешь дать? – попросил Николай. – И имена людей, на которых Дима вышел по делу Камкова.

– Это можно, – ответил Сигизмундов, чуть подумав, сел за свой компьютер и пощелкал по клавиатуре. – Даже больше, я дам тебе коды доступа в информационную систему МВД. Скачивай, помни мою доброту!

Николай записал информацию на флэшку, целая упаковка которых лежала в ящике стола, и спрятал ее в карман.

– Завтра, майор, я жду от тебя план мероприятий по розыску Красильникова, – сказал полковник таким тоном, что Николай невольно обернулся к входной двери – не появился ли начальник.

– Все, как положено, – усмехнулся Сигизмундов, увидев это движение. – Опрос свидетелей, отработка версий... Думаю, учить тебя не надо. А теперь можешь идти.

Он пожал Николаю руку. На губах его играла одобрительная улыбка, но взгляд был жесткий и колючий.

Глава 10

Первый бой

Николай ехал по Кольцевой дороге, заняв третью полосу и не превышая разрешенную скорость. До Немчиновки, где он жил, можно было добраться и более коротким путем, но, во-первых, ему нужно было поразмыслить, а во-вторых, хотелось испытать ходовые качества чудо-«Волги». Очень быстро он убедился, что Сигизмундов, расписывая достоинства этого неказистого с виду автомобиля, даже приуменьшил их. Несмотря на большой вес, «Волга» с места развивала скорость до ста километров в час за восемь секунд, а управлять ею оказалось даже легче, чем любимым «бумером», который пришлось оставить в служебном гараже. Лесовой опасался, что будет сложно остановить такую махину на большой скорости, но тормоза срабатывали легко и четко. На одном участке, где, как он точно знал, не было видеокамер фиксации скорости, он слегка прижал педаль газа, и стрелка на спидометре быстро переместилась в зону ста восьмидесяти километров в час. Давить педаль сильнее он не стал, хотя еще было куда. Он сбросил скорость и дальше поехал не спеша.

Весна наконец стала брать свое. Проглянуло солнце, и задул теплый ветер. Снег, которого навалило в последнее время сверх всякой меры, практически весь растаял, и в воздухе по-настоящему запахло весной. Он опустил стекло, надеясь подышать свежим воздухом, но тот оказался сильно подпорчен бензиновыми выхлопами, и стекло пришлось снова поднять.

Но Николай был далек от того, чтобы безмятежно наслаждаться весной. Полученная от Сигизмундова информация включила в мозг сигнал тревоги, и сейчас он перерабатывал бесчисленное количество возможных вариантов развития ситуации. Недаром в подразделении его неофициально числили аналитиком.

Его совсем не убедили заверения полковника, что хозяева ста с лишним килограммов героина, который они с мужиками увели у них из-под носа, больше не представляют опасности. Николай за время службы успел немало узнать об организации наркобизнеса и о людях, которые им занимались. Как к ним ни относиться, но среди них не было людей нерешительных, слабовольных, способных при угрозе разоблачения отказаться от задуманной мести. Так что Лесовой не считал, что угроза миновала. Подтверждением тому была судьба трех из пяти членов разведгруппы.

И еще одна мысль неприятным червячком шевелилась в сознании. Говоря о поисках убийц Павла и Димы, Сигизмундов вроде бы как остерегал его от необдуманных действий, а на самом деле подталкивал его, практически давал установку на то, что поиски убийц Стрешнева и Камкова не менее важны, чем розыск пропавшего Красильникова. Вспоминая выражение лица полковника и случайно перехваченный настороженный взгляд, Николай не испытывал в этом сомнений. Но почему тот не сказал этого прямо? Что еще за интриги в духе специалистов из особого отдела?

Размышления прервал резкий сигнал клаксона. Николай посмотрел в зеркало заднего вида. Почти к самому бамперу «Волги» прилепился огромный черный «Хаммер» и отчаянно сигналил, требуя уступить дорогу. Но Лесовой не привык уступать дорожным хамам, тем более он ехал по своей полосе со скоростью ровно девяносто километров в час. Кому надо, тот обгонит, подумал он. Не моя вина, что у них нет возможности вклиниться на соседнюю полосу.

Но водитель «Хаммера» оказался упрямее и наглее, чем предполагал Николай.

Взбешенный тем, что какая-то старая развалина не уступает ему дорогу, он придавил педаль газа и умудрился втиснуть своего монстра между «Волгой» и ехавшей по четвертой полосе маленькой красной «Хондой», за рулем которой сидела молодая женщина. Не желая

связываться с наглецом, она сразу отстала. Николай же, не моргнув глазом, продолжал движение с прежней скоростью.

Поравнявшись с «Волгой», «Хаммер» притерся почти вплотную, и в нем опустилось переднее пассажирское стекло. В окошке показалось покрасневшее от злости лицо и бешеные глаза, в которых бесполезно было искать какие-либо признаки интеллекта. Сидевший на пассажирском кресле мордоворот выкрикивал в адрес Николая угрозы и оскорбления, самым безобидным из которых было «чайник задроченный». Сколько еще в машине было народа, рассмотреть через затонированные до полной непрозрачности стекла оказалось невозможно. Лесовой не стал вступать в диалог, а просто высунул в открытое окно руку с вытянутым средним пальцем.

Этот жест привел водителя «Хаммера» в состояние полного иступления. Он повернул руль вправо, надеясь, что сделанная из прочной трубы подножка его железного коня помнет бок «Волге» и столкнет ее с полосы. Но не тут-то было. Бронированная «Волга» оказалась тяжелее «Хаммера», и он отлетел от нее, едва не врезавшись в злополучную красную «Хонду», которая испуганно шарахнулась в сторону и снова отстала, на этот раз окончательно. Мордоворот заорал еще громче и стал настойчиво махать рукой, требуя, чтобы Николай остановился.

– Вы захотели приключений на свою жопу? – громко сказал Лесовой через опущенное окошко. – Хорошо! Их у меня найдется для вас!

Он оставался совершенно спокоен и даже не испытывал особой злости к людям из черного автомобиля. Просто он считал, что наглецов следует учить вежливости. Ловко маневрируя между попутными машинами, он прижался к обочине и заглушил двигатель. «Хаммер» обошел его и с визгом покрышек затормозил перед самым носом, став поперек полосы. Николай включил аварийные сигналы, но выходить из машины не спешил. Боковое стекло он поднял, оставив лишь небольшую щель.

Как он и предполагал, из «Хаммера» выпали пять человек, все примерно одинаковых габаритов борцов полутяжелого веса, настолько похожие один на другого, что Николай затруднился опознать того, который вел с ним через окошко «светскую беседу». Они вразвалочку подошли к «Волге», и один дернул за дверную ручку. Но Николай предусмотрительно заблокировал ее. Он вовсе не боялся мордоворотов, просто хотел ввести их в нужное состояние. Инструктор по рукопашному бою учил когда-то, что разъяренный и выведенный из себя противник гораздо безопасней спокойного и собранного. На всякий случай в подмышечной кобуре уютно притаился табельный «ПМ», но Николай надеялся, что доставать его не придется.

– Выходи, козлик! – ласково пригласил тот, который дергал за ручку. Скорее всего он был главным в пятерке. – Не бойся, будет не очень больно. Так, чуть-чуть.

Николай широко улыбнулся в ответ и снова показал средний палец, не произнеся ни слова. Настроение у мордоворота стало портиться. Он изо всех сил грохнул кулаком по стеклу, без всяких, впрочем, последствий.

– Выходи, козел! – рявкнул он грозно.

– Ага, уже не козлик, а полный козел! – сказал Лесовой негромко. – Расту на глазах!

Остальные мордовороты, окружив машину, тоже заколотили кулаками по капоту, крыше и багажнику.

– Давайте, давайте! – поддержал их через чуть приоткрытое окно Николай. – Сильнее! Авось кулаки порасшибаете!

– Удав! – крикнул предводитель одному из подчиненных. – Тащи инструмент!

Удав, которому по габаритам больше подошла бы кличка Слон или Бегемот, нырнул в машину и выскочил оттуда вооруженный бейсбольной битой.

– Давай!

Удав размахнулся и со всей дури влупил спортивным снарядом по лобовому стеклу. Конечно, пуленепробиваемое стекло выдержало удар без всяких последствий. Несколько секунд Удав с тупым изумлением переводил обиженный взгляд с биты на автомобиль и обратно, а потом с криком: «...твою мать!» стал без разбора колотить по стеклам и крыше машины. Николаю показалось, что он находится внутри гудящего колокола, но он решил еще немного потерпеть и сидел, с бесстрастной улыбкой глядя на бесновавшихся мордovorотов.

Наконец до предводителя дошло, что происходит что-то не то, и он крикнул Удаву:

– Неси монтировку!

Через секунду тот появился со стальной монтировкой размером с приличный ломик. Остальные суетились вокруг «Волги», пытаясь извлечь оттуда наглого «чайника», который закрылся в автомобиле, как моллюск в раковине.

Вот теперь пора! – решил Лесовой. Незаметно разблокировал двери, подождал, когда Удав приблизится вплотную, и, резко распахнув тяжелую дверь, сбил с ног вооруженного ломом мордovorота. То, что произошло потом, человеческий глаз мог бы зафиксировать разве что с большим трудом. Между двумя машинами будто пронесся вихрь, и через несколько секунд все пятеро лежали, распластавшись на асфальте. Четверо из них не шевелились, и только предводитель, издавая глухие стоны, полз по направлению к «Хаммеру».

У них изначально не было шансов справиться с майором. Та совсем не зрелищная, но чрезвычайно эффективная система рукопашного боя, которую преподавал на диверсионных курсах пожилой инструктор, была мало кому известна даже в войсках специального назначения. Освоивший ее боец мог без особого труда противостоять десятку сильных противников. А Николая инструктор в былое время считал своим лучшим учеником...

Он обошел всех пятерых, проверил у каждого пульс, произнес вполголоса: «Ничего, жить будете!» Потом, не желая светить номер своего телефона, вытащил трубку из кармана предводителя и вызвал «Скорую». На вопрос – что случилось? – ответил: «небольшая авария, есть пострадавшие...» и направился к «Волге».

Он уже открывал дверь, когда почувствовал сзади едва уловимое движение. Резко обернулся и увидел, что оживший Удав занес биту, собираясь опустить ее на голову обидчика. Разворачиваться к противнику лицом не было времени, и Лесовой с силой всадил каблук в солнечное сплетение живчика прямо из того положения, в котором стоял. Тот ойкнул, согнулся пополам и уронил биту на асфальт. Николай поднял ее, покрутил в руке и укоризненно сказал:

– Смотри-ка, спортсмен! Бейсболист-пофигист! Вас уже больше, чем в Штатах стало! И каждый с битой! А я вот городки люблю! И футбол.

Он дал согнувшемуся в три погибели Удаву пинка, от которого тот упал на колени, и коротким, но сильным движением швырнул «спортивный инвентарь» в сторону «Хаммера». Бита врезалась в лобовое стекло, и оно со звоном рассыпалось на мелкие кусочки.

– Вот теперь можно и ехать! – удовлетворенно произнес Николай, сел в «Волгу» и повернул ключ зажигания, печально отметив, что за все это время ни одна машина не только не остановилась, но даже не притормозила на поле боя. Объехав изуродованный «Хаммер», он вывел «Волгу» на шоссе и через десять минут свернул с Кольцевой на Можайку, откуда до дома оставалось рукой подать.

Если бы майор знал, как разворачивались события после его отъезда, то стал бы действовать совсем по другому сценарию. Но он этого не видел, и все пошло, как пошло...

...Когда приехала «Скорая», все пятеро уже очухались и со стонами, поддерживая друг друга, рассаживались в машине. Водитель сметал с сидений рассыпавшееся в мелкую крошку стекло. Врачей мордovorоты встретили трехэтажным матом и посоветовали валить туда, откуда приехали.

– Значит, вы отказываетесь от медицинской помощи? – вежливо спросил привычный ко всему доктор.

– Ты что, лепила, не понял? – взревел предводитель, и врачи предпочли не задерживаться.

Когда «Скорая» отъехала, предводитель похлопал по карманам и спросил у верного адъютанта:

– Удав, ты мою трубу не видел?

Тот, кряхтя, выбрался из машины и вскоре вернулся с телефоном, который Николай аккуратно положил на капот «Хаммера». Предводитель нажал кнопку быстрого вызова, дождался ответа и сказал:

– Шеф, этот парень нам не по зубам. Примерно, как с дубиной на танк переть. Или голой жопой ежа давить... Что? Нет уж, если не веришь, попробуй сам. А я еще пожить хочу...

Он со злостью захлопнул трубку и мрачно приказал водителю:

– Поехали!

В отъехавшей «Скорой» медики, посоветовавшись, единодушно приняли благоразумное решение не сообщать о происшествии в милицию, а вызов оформить как ложный.

Глава 11

Охотники и дичь

Николай вошел в прихожую, привычно, на ощупь, зажег свет и отключил сигнализацию. Поставить ее пришлось после прокатившейся по району волны квартирных краж, благо как сотруднику милиции ему были положены кое-какие льготы. Окинул быстрым взглядом помещение – как всегда чисто и прибрано, каждая вещь лежит на своем месте. Приученный раз и навсегда к армейскому порядку, он и дома поддерживал казарменную чистоту. В его доме было все необходимое для жизни и в то же время ничего лишнего. Когда ему нужны были, к примеру, свежие носки, он просто открывал шкаф и, не глядя, протягивал руку, не сомневаясь, что они окажутся на своем месте.

Любой мало-мальски наблюдательный человек сразу заметил бы в квартире отсутствие так называемой «женской руки». На окнах вместо штор – пластиковые жалюзи, нигде никаких занавесочек, безделушек и других женских финтифлюшек. С полузабытой женой Николай расстался еще десять лет назад. Женился он скоропостижно, сразу после училища, и так же скоропостижно развелся, узнав о загуле, в который благоверная пустилась во время его первой, не такой уж и длительной, командировки.

Женской руки не было, но молодые особы женского пола в этой квартире появлялись регулярно. Лицом и статью Николай был мужчина не из последних, к тому же с собственным жильем, машиной, стабильной работой и более-менее приличным заработком. Одним словом, завидный жених. Но редко какая из них задерживалась здесь даже на вторую ночь, не говоря уж о последующих. Уже назавтра после появления в его квартире все они, как правило, начинали с заботливым видом ходить по комнатам, вытирать несуществующую пыль и переставлять с места на место посуду и книги. Но Николай не давал им далеко зайти в реализации коварных замыслов. Представив, что так может быть каждый день, Лесовой приходил в ужас и мягко, но настойчиво начинал выпроваживать гостью за порог. А когда очередная претендентка на роль укротительницы непокорного холостяка несолоно хлебавши оказывалась за порогом, все вещи немедленно возвращались на свои места.

Лишь одна из них, насколько помнил Лесовой, провела с ним целую неделю. Именно потому, что ни на что не претендовала. Эта веселая, легкомысленная девица порхала по жизни как мотылек, не задумываясь о таких мелочах, как брак и семья, и упорхнула из его дома так же легко, как и влетела в него. Николай не страдал, когда, вернувшись с работы, не обнаружил ее, но иногда, вспоминая ее улыбку, испытывал щемящее чувство потери.

Иногда его навещали приезжавшие из Тулы родители. Мать постоянно делала намеки, что ей хочется понынчить внуков, и звала Николая в гости, обещая ему десяток молодых и красивых невест на выбор. Отец, отставной полковник, ушедший на пенсию с должности командира воздушно-десантного полка, сначала отнесся к уходу сына из армии неодобрительно, однако потом, когда Николай кое-что рассказал ему, смирился. Хоть и все равно сожалел, что на Николае прервался служивый род Лесовых. И еще он любил рассказывать сыну про своего отца, деда Николая, прошедшего всю войну, побывавшего в таких боях, откуда выходили живыми три человека из ста, но ни разу даже не оцарапанного, за что получил у однополчан прозвище Колдун...

...Сегодня Николай был дома один. Поужинал, сварил огромную, чуть ли не литровую, кружку крепчайшего кофе и включил компьютер. Пока грузился «Windows», Николай откинулся в кресле, прикрыл глаза и задумался. Еще когда он подъезжал к дому, в голову пришла неожиданная мысль. Почему до сих пор у него никогда не возникало дорожных конфликтов, хотя за руль он садился почти каждый день? Был ли случайностью сегодняшний наезд пятерки мордovorотов, или они пасли на дороге именно его? Прогнав в памяти обстоятель-

ства происшествия с того самого момента, когда услышал требовательный сигнал идущего сзади «Хаммера», Николай не усмотрел в них ничего, что свидетельствовало бы о запланированном накате именно на него. Но интуиция зудела и не давала покоя – почему это случилось именно сегодня, когда он узнал о печальной судьбе друзей, с которыми несколько лет назад разделил криминальные деньги? Неужели хозяева валюты подбираются уже и к нему?

На экране давно уже высветился «рабочий стол» с изображением серебристого спортивного «Порше», а Лесовой все не мог принять приемлемого решения. Может быть, он все же преувеличивает угрозу? Систему определения слежки он включил сразу, как только выехал из служебного гаража, и до самого дома она не подала ни одного сигнала. Хотя если за него взялись всерьез, то специалистам не составило бы труда обмануть безмозглый прибор. Когда нужно, профессионалы не используют одну машину, а водят объект слежки сразу на нескольких. А если объект особо важный, могут использовать и не один десяток машин.

Решив выехать завтра пораньше и провериться, как учили, он вставил флэшку в компьютер и приступил к изучению скачанных у Сигизмундова материалов.

По распечатке телефонных переговоров Стрешнева Николай понял, что Дима пошел по простому пути, используя личные связи. Его старый друг, бывший начальник штаба десантно-штурмового батальона майор Белов, с недавних пор окопался в главном здании ГРУ на Хорошевском шоссе и оказался весьма информированным человеком. Когда Стрешнев рассказал ему о гибели Павла Камкова и попросил о содействии, Белов отнесся к просьбе очень серьезно и по неофициальным каналам поднял всех, кто только мог помочь в расследовании. У спецназовцев не принято оставлять безнаказанным убийство товарища по оружию.

Воспользовавшись служебным положением, Белов дал запрос в Московское управление ФСБ, откуда получил запись разговора Камкова с дежурным на телефоне доверия. Но из записи было совершенно непонятно, о чем он хотел сообщить чекистам.

Не упоминая, конечно, о деньгах, Дима намекнул Белову, что убийство Павла могло быть мстью за партию изъятого героина. Подсказка помогла выйти на наркодельцов, а от них – на исполнителя убийства, которым оказался бывший прапорщик из охранно-конвойной службы УИНа. Похоже, Сигизмундов был прав, и Стрешнев в тот день действительно отправился разобраться с убийцей. Но что произошло дальше, было покрыто тайной. Стрешнева больше никто не видел, как, впрочем, и прапорщика-вертухая. Оба исчезли, не оставив никаких следов. В тот же день майора Белова по дороге со службы сбила грузовая машина. Майор остался жив, но все еще находился в коме. Значащуюся в угоне машину обнаружили через полчаса на соседней улице, а скрывшегося с места происшествия водителя так и не нашли. Даже братство спецназовцев оказалось бессильно.

Лесовой готов был рвать на себе волосы от досады. Если бы в свое время он внимательно просматривал сводки, то наверняка бы обнаружил в них фамилию бывшего командира и добился, чтобы розыск Стрешнева поручили ему. Идти по свежему следу всегда легче, чем по старому, затоптанному, и, возможно, ему удалось бы что-нибудь накопать.

Николай вошел в базу данных своего бывшего отдела, чтобы выяснить, кому было отписано дело по розыску Дмитрия Стрешнева. Но оказалось, что оно вообще не попало в милицию. Только перерыв кучу файлов, Лесовой обнаружил коротенькую справку, где говорилось, что дело о пропаже полковника МЧС «передано по подследственности». И ни слова конкретно – куда, кому? Не в Министерство же по чрезвычайным ситуациям, в самом деле! Нет в нем официально никакого следственного подразделения! Может быть, в ФСБ? Если так, то дело осложнялось. В отличие от МВД, к чекистам у Николая подходов не было. Оставалось надеяться на содействие Сигизмундова, но обращаться к нему не хотелось, чтобы с первых шагов на новом месте не показать свою профессиональную беспомощность. Кроме того, не следовало забывать, что официальным заданием все-таки был поиск Дениса Кра-

сильникова, пропавшего при обстоятельствах, относящихся к компетенции отдела по изучению аномальных явлений.

Но, главное, Николай по-прежнему не верил в те сверхъестественные явления, информацию по которым он со всем усердием штудировал последние два дня. Не может быть, что все эти таинственные исчезновения нельзя объяснить с точки зрения материализма. А если действительно нельзя, значит, просто не хватает фактов и нужно глубже копать. По глубокому убеждению Лесового, его новое начальство, доктор Кварацхелия и полковник Сигизмундов, уверявшие, что за всем этим стоят какие-то таинственные силы, просто слегка свихнулись, не выдержав груза «секретных материалов», и по этой причине доверять им до конца никак нельзя. Несмотря даже на то, что тот же Сигизмундов, несомненно, был настоящим профессионалом.

Кроме распечаток переговоров, на флэшке оказались краткие досье на пять человек. Фамилия одного из них несколько раз попадалась Николаю в ведомственных циркулярах, это был заместитель начальника одного из управлений МВД. Остальные, как значилось в досье, тоже занимали немалые должности: полковник из центрального аппарата Управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, генерал таможенной службы, начальник департамента Министерства транспорта и даже советник из администрации президента, консультирующий верховную власть о состоянии дел в южных регионах страны.

Именно эти люди, по данным полковника Сигизмундова, организовали транзит афганского героина через южную границу России, доставку его в Москву и дальше – в страны Европы. Когда они только начинали свой бизнес, им пришлось тесно сотрудничать с верхушкой уголовного мира, без содействия которого в то время было просто не обойтись. Потом авторитеты попытались захватить лидирующие позиции, но преступники в погонах оказались зубастее и организованнее. Несколько самых нахрапистых воров в законе один за другим сошли в могилу, а более понятливые сохранили жизнь, согласившись служить новым хозяевам.

Эти же люди приговорили пятерых участников разведывательного рейда, умыкнувших у них центнер порошка, и успели расправиться как минимум с одним из них, Павлом Камковым. Не исключено, что исчезновение Стрешнева и Красильникова – тоже дело их рук, и обоих давно нет в живых. Если это действительно так, то у высокопоставленных мафиози остались две мишени – бывший непревзойденный ас взрывного дела Леня Полищук и сам Николай Лесовой. Правда, Сигизмундов уверял, что эти люди больше не представляют опасности, но Николай сильно сомневался, что охота на бывших разведчиков отменена. Вот только он не привык к роли дичи...

Следующий час майор набирал в поисковой системе фамилии и должности наркобаронов и внимательно просматривал все, что имелось на них в открытом доступе. Судя по найденной информации, все они по-прежнему занимали высокие должности, и положение ни одного из них пока не пошатнулось. Тогда Николай, воспользовавшись полученными от Сигизмундова кодами, вошел в информационную систему МВД. Но и там ему не удалось обнаружить даже следа компромата, который, по словам полковника, слили на этих людей из верхушки наркомафии. Это значило, что или Сигизмундов солгал, или компрометирующие сведения были строго засекречены.

Все это говорило о том, что надо соблюдать особую осторожность самому и предупредить об опасности Полищука. Николай посмотрел на часы – четверть одиннадцатого, поздно, конечно, но вряд ли Оксана, жена Лени, уже спит. Они были хорошо знакомы, Николай гулял у них на свадьбе, а после еще несколько раз был в гостях, правда, давно. Но вряд ли Оксана его забыла. Поэтому Николай не стал чиниться, взял трубку и набрал номер.

– Оксана? Привет! Это Коля Лесовой. Узнала? Ага, давно не виделись! Слушай, что от Лени слышно? Где он пропадает? На Колыме? На родину, что ли, потянуло? (Николай знал, что Полищук родился в одном из приисковых поселков Магаданской области.)

Из трубки вдруг послышались всхлипывания.

– Что с тобой, Оксана? – спросил он. – Что это ты плакать удумала?

– Коля! – ответила она сквозь слезы. – С Леной что-то случилось!

– С чего ты взяла? – удивился Николай.

– От него уже больше двух недель нет ни письма, ни телеграммы! – жалобно ответила Оксана. – Как с Восьмым марта поздравил, так и замолчал.

– Оксана, успокойся! Ты что, не знаешь, как сейчас работает почта? Бывает, из Подмосковья в Москву письмо идет целый месяц!

– При чем здесь почта! – снова всхлипнула Оксана. – Раньше он каждый день писал, и ни одно письмо не шло больше двух недель! И звонил каждую неделю! У них в тайге мобильный не работает, но Леня все равно каждое воскресенье в Сеймчан вырывался, чтобы оттуда позвонить. Коля, пожалуйста, помоги! Узнай, что с ним случилось. Ты ведь милиционер, тебе это проще будет сделать! Ну, запрос дай, или как это у вас называется, ты лучше знаешь...

– Не переживай так, Оксана! – постарался успокоить расстроенную женщину Николай. – Конечно, я все сделаю. Знаешь, давай я завтра к тебе подъеду, и ты расскажешь все подробно.

Они договорились о месте и времени встречи, и Лесовой положил трубку.

Кажется, он остался один...

Глава 12

Полищук не выходит на связь

– Как Леню занесло на Колыму? Неужели он не мог найти работу в Москве?

Николай с утра позвонил Сигизмундову, предупредил, что задержится, и теперь они с Оксаной сидели на скамейке в небольшом скверике рядом с супермаркетом, в котором она работала менеджером. Сегодня первый раз за всю холодную весну по-настоящему пригрело солнце, и Лесовой с удовольствием подставлял лицо под его лучи.

– В том-то и дело, что не мог! – грустно ответила Оксана. – Работы, в общем-то, хватало, но платили такие копейки, что и говорить неприлично. Только-только за квартиру заплатить... Леня переживал сильно, стыдно ему было передо мной. А по специальности нигде не брали. Он и в ФСБ ходил, и в МВД, всюду, где есть бригады по разминированию. Но ему везде отказывали. С таким, говорят, пятном на биографии нечего и мечтать о работе в органах...

Николай понял, о чем говорит Оксана. Несколько лет назад, когда они только поженились, Леня пришел встречать жену с работы и увидел, что около магазина к ней пристают два подвыпивших бугая. Они держали Оксану за руки и настойчиво тянули к машине, где за рулем сидел еще один похожий на них субъект. На предложение оставить девушку в покое и уматывать подобру-поздорову они неосторожно отреагировали фатальным для себя образом, то есть попытались пустить в ход кулаки. И потому через несколько секунд оба валялись на тротуаре: один с вывихнутым плечом, а второй со сломанной челюстью. Третий дернулся было из машины на помощь приятелям, но Леня грозно посмотрел на него, и бугай умчался с визгом покрышек, оставив друзей на произвол судьбы.

Уверенный на сто процентов, что его вины в происшедшем нет, Леня вызвал милицию и «Скорую». Но дело повернулось совсем не так, как он ожидал. На него завели уголовное дело по признакам превышения пределов необходимой самообороны. Общими усилиями, подняв ветеранов спецназа, кое-как удалось спасти Полищука от зоны, но все равно судья, принимая во внимание его специальную подготовку, делавшую из обвиняемого, по его словам, смертельно опасное оружие, признал Леню виновным и приговорил к трем годам условно. И теперь его золотые руки и уникальные способности сапера оказались никому не нужны. Николай не в первый уже раз с горечью убедился, что страна не ценит и не бережет даже тех специалистов, на подготовку которых сама же потратила кучу денег. Вот если бы эти деньги тратились из карманов принимающих решения чиновников...

– Понятно! – задумчиво протянул Николай.

– Ничего тебе не понятно! – вдруг вспыхнула Оксана. – Разве тебе приходилось приносить домой копеечную зарплату и видеть укоризненные взгляды жены? Господи, какая я была дура! Если бы я не пилила его, он никогда бы не поехал на эту проклятую Колыму! Если бы я знала...

– Оксана, прекрати истерику! – жестко сказал Николай. Он знал, что жена Леонида никогда не была неуравновешенной женщиной, и сейчас ее просто нужно было привести в чувство. – То, что от твоего мужа нет известий, еще не значит, что с ним случилось что-то плохое!

– Прости. – Оксана промокнула платком глаза, и Лесовой понял, что она взяла себя в руки.

– Ладно, – кивнул он. – Скажи лучше, Леня ведь не с бухты-баряхты уехал? Наверняка с кем-то списывался, созванивался?

– Конечно! – ответила Оксана. – У него ведь там друзья остались, одноклассники. Немного, но есть. Один из них заместителем начальника в артели работает... или, кажется, председателя...

– Да какая разница! – перебил ее Николай. – Ты по существу давай, о главном.

– Так я и говорю! В общем, пригласил он Леню. В прошлый сезон он хорошо заработал, мы с Леной всю мебель в квартире сменили, еще и осталось. А теперь снова уехал. Сказал, еще два-три сезона, и можно будет несколько лет спокойно жить. А за это время он здесь нормальную работу найдет. И вот... – Оксана снова всхлипнула.

– Значит, Леня приезжал в отпуск? – спросил Николай.

– Конечно! Он почти всю зиму провел дома. У них там работа сезонная, промывка идет с мая по сентябрь. Леня мне объяснял: для промывки вода нужна, а на Колыме ручьи тают только в конце мая, а в середине сентября снова замерзают.

– Но ведь до мая еще далеко. Почему он так рано уехал?

– Его председатель вызвал, технику к промывке готовить. У Лени ведь руки золотые и голова светлая, что угодно отремонтирует.

Это Николаю было известно. Не существовало, наверное, на свете такой неисправной техники, которую старший лейтенант Полищук не смог бы заставить работать.

– В последних письмах ты не заметила чего-нибудь странного? – спросил он. – Или, может быть, по телефону голос был не такой?

– Нет, все, как обычно, – ответила, подумав, Оксана. – Леня веселые письма писал и по телефону всегда смеялся. Он вообще никогда не жаловался, не такой человек.

– Знаю! – кивнул Николай. – Давай-ка мне фамилии его начальника и того парня, что приглашал его на работу. Если вспомнишь кого-нибудь еще, кого Леня называл, тоже давай до кучи. Совсем хорошо будет, если ты найдешь их телефоны.

– Ой! – Оксана испуганно округлила глаза. – А я не помню ни одной фамилии!

– Ну как же так! – укоризненно сказал Лесовой.

– А вообще-то, подожди! – поправилась Оксана. – Кажется, фамилии есть в Ленином блокноте, он его с собой не брал. Точно, есть! Но только блокнот у меня дома...

– Давай договоримся так, – предложил Николай. – Я позвоню тебе вечером, и ты продиктуешь мне из книжки все записи, которые касаются Колымы.

На этом они распрощались. Оксана вернулась в магазин, а майор отправился на службу. Сигизмундов оказался на месте, и Лесовой положил перед ним несколько листов бумаги в прозрачной пластиковой папке.

– Здесь план разыскных мероприятий, – сказал он. – Как и было приказано.

Вспомнив, каким взглядом проводил его вчера полковник, Николай решил придерживаться официального тона. Все-таки одно дело – сидеть за столом в ресторане, и совсем другое – в служебном кабинете. О вчерашней драке с «мордоворотами» он решил промолчать.

– Молодец! Потом ознакомлюсь. – Сигизмундов небрежно отодвинул от себя папку, не проявив к ней никакого интереса. Майору стало слегка обидно. Вчера он закончил эту, как теперь оказалось, никому не нужную писанину далеко за полночь.

– Если вопросов у тебя нет, можешь приступить к реализации, – добавил полковник, давая тем самым понять, что не удерживает подчиненного.

– Почему нет? – возразил Николай. – Один вопрос имеется.

Сигизмундов удивленно посмотрел на него.

– Ну, давай...

Лесовой не узнавал полковника. Начальника как будто подменили. До сегодняшнего дня он излучал доброжелательность, а тут вдруг как будто охладел к подчиненному и хотел поскорее от него избавиться. Однако сбить Николая с толку было не так-то просто.

– Товарищ полковник, вчера вы сказали, что справлялись о Леониде Полищук и убедились, что с ним все в порядке...

Заметив перемену в поведении майора, Сигизмундов улыбнулся, но промолчал.

– ...Я хотел бы узнать, давно ли это было?

– Недели три назад, – начальник поднял на Николая удивленные глаза. – Где-то в начале марта. Сейчас уточню...

Он пощелкал по клавиатуре компьютера и сказал:

– Точно, пятого числа. А чего это ты вдруг всполошился?

– Потому, что сразу после этого Полищук перестал выходить на связь с женой, а до того делал это регулярно.

– Ну-ка, давай подробнее! – равнодушное выражение с лица полковника сразу исчезло, и в глазах блеснул охотничий азарт...

– Есть у нас в том регионе кое-какие интересы, – сказал он, внимательно выслушав Лесового. – Есть и специальный человек. К нашему ведомству он отношения не имеет, служит, так сказать, в конкурирующей структуре, но за дополнительный оклад сотрудничает с нами весьма охотно. Вот через него мы справочки и наводим. Можно, конечно, и официальный запрос организовать через МВД, но это будет долго.

Он посмотрел на часы.

– Так, сейчас у нас половина двенадцатого, да плюс восемь часов, значит, у них девятнадцать тридцать. Можно звонить.

Полковник набрал длинный номер и после непродолжительного ожидания сказал, подмигнув Николаю:

– Капитан Митрохин? Олег Константинович? Здравствуй, дорогой! Полковник Сигизмундов из Москвы беспокоит. Помнишь такого? Вот и отлично! Ну, конечно, как обычно. Ты от компьютера далеко? Дома? Ничего себе, в такое-то время! Наверное, собака в лесу издохла! Ладно, ладно, шучу! Ты вот что, открой-ка минут через десять почту, я за это время письмецо настрою. Когда нужен ответ? Вчера, дорогой, вчера. Так что, сам понимаешь...

Положив трубку, он быстро набросал текст письма, щелкнул по надписи «отправить» и удовлетворенно сказал:

– Вот и все. Теперь Константинович в лепешку расшибется, ночи спать не будет, но через день-два вся информация будет у меня.

– Тогда я дальше действую по плану? – поднялся со стула Николай.

– Конечно, конечно, – произнес полковник. На его лице снова появилось отсутствующее выражение. На принесенный майором план мероприятий он так и не взглянул.

Глава 13

Он был не похож на человека...

Проверяться Николай начал еще утром. Выехав со стоянки задолго до встречи с Оксаной, он два часа колесил по улицам, пытаясь обнаружить возможную слежку. То резко срывался с места, едва красный сигнал светофора сменялся желтым, то неожиданно перестраивался в крайний левый ряд и разворачивался через две сплошные полосы. Только навыки экстремального вождения позволяли ему избежать столкновения со встречными машинами, водители которых отчаянно сигналили и многозначительно крутили пальцами у виска. Конечно, существовал риск нарваться на автоинспекцию, но Николай был уверен, что, случись такое, удостоверение сотрудника милиции избавит его от неприятностей.

Но ни разу ни одна машина не рванула за «Волгой», ни один водитель не попытался повторить его хулиганский маневр. Компьютерная система тоже не подавала сигнала тревоги, и теперь Лесовой был почти уверен, что слежки за ним нет.

Распрощавшись с Сигизмундовым, прежде чем ехать в Люберцы, где в купленной Денисом Красильниковым квартире жила его жена Марина, он еще немного попетлял по улицам. Компьютерный подсказчик молчал, и, не доезжая до Выхино, Николай окончательно успокоился и свернул на Рязанский проспект.

Мелодичный сигнал зазвучал, когда он подъезжал к МКАД. Вслед за ним компьютер произнес приятным женским голосом:

– Серый «Фольксваген», номер..., сто пятидесятый регион, пять минут следует за вами на расстоянии сорока метров. Для проверки рекомендуется остановиться. Принадлежность автомобиля устанавливается. Ждите.

Николай прижался к обочине и остановился, не глуша двигатель. Машина с названным номером проскочила мимо, не сбавляя скорости, и он облегченно вздохнул. Но рано. «Фольксваген» проехал метров сто и тоже остановился. Снова зазвучал сигнал и тот же приятный голос сказал:

– Указанный номер регистрационными отделами ГИБДД Московской области не выдавался.

Вот и началось!

Кем бы ни были преследователи, запугать Лесового им не удалось. Кишка тонка. Но все равно нужно было принять разумные меры предосторожности. Чтобы как-то мотивировать остановку, он вышел из машины, поднял крышку багажника и сделал вид, будто что-то там поправляет, не спуская одновременно глаз с автомобиля преследователей. Оттуда никто не выходил, и, захлопнув крышку, Николай отправился дальше.

В Люберцах он остановил машину в трех кварталах от дома, где жила Марина Красильникова, и зашел в гастроном, расположенный на первом этаже протянувшегося на весь квартал шестнадцатизэтажного дома. В самом конце магазина он увидел около стеллажей хлебного отдела ведущую в подсобное помещение дверь. Уверенно бросив на ходу: «к директору», Николай прошел мимо продавщицы и оказался в длинном коридоре, из которого, как он был уверен, должен быть выход во двор, куда подъезжали машины с товаром. Запасной выход он обнаружил по запаху табачного дыма – около него курила стайка молоденьких продавщиц во главе с дюжим пожилым грузчиком. Когда Николай прошел мимо, никто из них не заинтересовался им, даже не повернул головы в его сторону.

Майор быстро пересек двор и, миновав проход между домами, оказался на параллельной улице. Перешел через дорогу, снова свернул во двор и направился в сторону, противоположную той, откуда приехал – машину он остановил, проехав три лишних квартала. По дороге он постоянно проверялся, хотя отдавал себе отчет, что если за ним идут настоящие

профессионалы, они вряд ли позволят себя обнаружить. А если у них есть возможность проверить его связи, то узнать адрес, куда он направлялся, им было проще простого.

Наконец Николай добрался до нужного дома, затерявшегося в типовой застройке московских дворов. Быстро набрал на домофоне номер квартиры и, дождавшись ответа, сказал: – Марина, это Николай Лесовой, из милиции, друг Дениса. Я звонил вам недавно.

Щелкнул замок, и дверь открылась. Марина Красильникова жила на четвертом этаже, и Николай не стал вызывать лифт, а взбежал по лестнице. Видно, жильцы пользовались ею нечасто. Скорее всего, опасались тех, кто расписал стены подъезда козлиными мордами, стилизованными свастиками и сплетенными в причудливый вензель тремя шестерками. Эти же завсегдатаи темной лестницы набросали здесь горы мусора – пивные бутылки, окурки, пустые шприцы и использованные презервативы.

Когда-то давно, когда Лесовой только поселился в купленной квартире, его подъезд выглядел примерно так же, разве что немного отличалась тематика рисунков. Терпеть такое он не захотел, и ему пришлось применить довольно жесткие меры, чтобы убедить непонятливую молодежь поискать другое место для сборищ. Но через неделю по лестнице можно было подняться, не наступив в лужу мочи, а довольные соседи стали приветливо здороваться с ним и уважительно называть Николаем Васильевичем. Глядя на бардак в подъезде Красильникова, Николай недоумевал, как Денис терпел такое рядом со своим жилищем. И решил, что скорее всего ему просто до чертиков надоело воевать. Уволившись из армии, Красильников устроился в фирму, занимавшуюся сопровождением и охраной крупных сумм наличных денег, которые их хозяева не хотели светить перед налоговыми органами, и дорогостоящих грузов на любом виде транспорта – самолетах, поездах, автомобилях. Денису приходилось возить набитые валютой чемоданы и коллекции ювелирных украшений ценой в миллионы долларов, и в дороге случалось всякое. Когда он добирался до дома, ему было не до гадящего в подъезде молодняка.

С женой Дениса Николай был знаком довольно поверхностно. Лет пять назад Красильников позвонил ему и напросился в гости, предупредив, что будет не один. Марина, девушка с внешностью кинозвезды и нутром законченной стервы, сразу не понравилась Лесовому. Особенно его удивляло, как ей удалось взять под каблук сильного и жесткого Дениса, лишенного сантиментов диверсанта, который за несколько минут развязывал язык любому самому отвязанному духу и заставлял его вывернуться до самых печенок. А Марине он с доброй и беспомощной улыбкой спускал любые оскорбления и унижения, которые она не стеснялась произносить при посторонних с ангельским выражением на красивеньком лице. Наводивший ужас на врагов разведчик оказался удивительно робок в отношениях с женщиной, которая не замедлила воспользоваться этим.

Николай пытался поговорить с другом, но тот не захотел его слушать. Не желая заполучить в лице Дениса врага, Лесовой оставил эту тему, и с тех пор они встречались с Красильниковым все реже. А с Мариной после того злополучного визита он не виделся ни разу.

Она работала где-то на телевидении. Чем она там занималась, похоже, не знал даже ее муж. Почему сейчас, посреди недели и в разгар рабочего дня, она сидела дома, Николай не стал ее спрашивать. Его больше интересовали обстоятельства исчезновения Дениса.

Марина встретила его в туго обтягивающих аппетитную попку лосинах и короткой облегающей маечке, из-под которой призывно торчали острые бугорки сосков. Было заметно, что она успела подготовиться к приему гостя. Глаза были умело подведены, и на фарфоровом кукольном личике выделялись ярко накрашенные губы. Впустив Николая, она уселась на маленьком диванчике, поджав одну ногу под себя в позе, явно подсмотренной в каком-то модном журнале, и указала ему место рядом с собой. Места оставалось ровно столько, что сесть можно было, только тесно прижавшись к ней. Но Лесовой не принял приглашения и устроился в кресло напротив.

– Марина, я пришел к тебе не только как друг Дениса. Ты знаешь, что я работаю в милиции, как раз в том отделе, который занимается поиском пропавших людей. – Он сразу приступил к делу, но не стал говорить, что поменял место службы. – И сейчас ты должна рассказать мне все, что сможешь вспомнить о последних днях, предшествующих его исчезновению. Может быть, какие-то странные телефонные звонки или встречи с незнакомыми людьми?

– Как мне все это надоело! – Марина капризно надула губки, забросила за голову руки и сладко потянулась, отчего Николаю показалось, что соски вот-вот проткнут маечку и выскочат наружу. – Все время одно и то же! В милиции спрашивали, домой приходили, опять спрашивали... Хоть бы ты поинтересовался, как мне без Дениса живется! Друг, называется! А ты как все – с кем он встречался да кому звонил! И никто ведь не подумает, как я живу в таком подвешенном состоянии – то ли жена, то ли вдова?

Лесовой не понимал, к чему клонит Марина, только меньше всего она походила на убитую горем женщину, недавно потерявшую любимого мужа. А когда она заговорила снова, все стало предельно ясно.

– Я ведь осталась без ничего! – Марина плаксиво наморщилась, но глаза оставались совершенно сухими. – Все имущество записано на Дениса. Квартира, машина, все, все! Я осталась нищей!

– погоди! – попытался урезонить ее Николай. – Разве тебя кто-то гонит из квартиры? Или отнимает машину? Насколько мне известно, у Дениса нет близких родственников, которые могли бы претендовать на наследство.

– Ага! – глаза Марины блеснули. – Еще бы кто-то претендовал! Дело не в этом...

– А в чем же тогда? – спросил Лесовой, хотя уже догадался, что сейчас услышит.

– Я ведь не могу распоряжаться имуществом, как ты этого не понимаешь? Не могу даже ничего продать! Доверенность на машину, и та через два года кончается! Адвокат говорит, что вступить в права наследства я смогу, только когда Дениса признают умершим. А этого, если не найдут труп, придется ждать целых пятнадцать лет! Да через пятнадцать лет я буду уже никому не нужной старухой!

Николай чувствовал все большее отвращение к этой красивой кукле с фарфоровым личиком и безупречной фигурой, у которой повернулся язык сказать про исчезнувшего мужа «труп». Но она сама дала ему в руки ключ к дальнейшему разговору, и, старательно сохраняя спокойствие, он сказал:

– А вот в этом я могу тебе помочь. Скажу больше – кроме меня, тебе никто не поможет. Правда, официально делом Дениса занимается другой человек, но я отлично знаю, как это делается. Если поиски по горячим следам ничего не дали, расследование обычно откладывается в долгий ящик, пока пропавший не всплывет где-то сам, живой или мертвый. Слишком много дел висит на шее у каждого работника. А я специально взял отпуск, чтобы развязать себе руки и заниматься только делом Дениса, – для пущей убедительности Лесовой решил слегка приврать. – Все-таки он был моим другом.

Произнеся «был моим другом», Николай заметил, что глаза Марины загорелись жадным огнем. Собственно говоря, этого он и добивался, именно поэтому не стал говорить, что надеется найти Дениса живым. По каким-то неуловимым признакам он догадывался, что такая перспектива не очень обрадует Марину, уже видевшую себя полноправной хозяйкой пусть небольшого, но привлекательного наследства.

– Правда? – спросила она с придыханием, подавшись всем телом к Николаю и еще сильнее выпятив грудь.

– Правда, – кивнул он. – У меня даже есть кое-какие догадки. Но чтобы подтвердить их фактами, мне нужно, чтобы ты была полностью откровенна со мной.

– А я ничего и не скрываю! – обиженно надулась Марина. – Спрашивай!

– Тогда опиши мне тот день, с самого утра и со всеми подробностями.

Марина задумалась, вспоминая.

– День как день... Ничего особенного. Это было воскресенье, и мы оба были дома. Я проснулась поздно, часов в одиннадцать. Во сколько встал Денис, не знаю, но он уже не спал. Я хотела выпить кофе, но он кончился, и я пошла в магазин. А когда вернулась, Дениса дома не было, а в квартире стоял какой-то странный запах. Я даже не знаю, что может так пахнуть.

Конечно, подумал Николай, где уж тебе знать. Изнеженная городская жительница, во время грозы Марина наверняка спешила спрятаться под крышу, и потому ей незнаком был запах озона. И тем более запах свежескошенной травы. Он давно заметил, что трава, скошенная косилками на московских газонах, пахнет совсем не так, как луговая...

– А почему ты подумала, что Денис именно пропал, а не просто куда-нибудь ушел? – спросил он.

– В одних спортивных штанах и босиком? – усмехнулась Марина. – Даже тапочки дома остались. Все на месте, документы, ключи, все-все. А он с тех пор так и не появился, не позвонил. Что я должна думать?

– погоди! – перебил ее Николай. – Ты сказала, что в магазин пошла сама? А почему не Денис?

Он кое-что знал о специфике отношений в семье Красильниковых, поэтому и задал такой вопрос.

– Так мы с ним накануне поругались и не разговаривали. Он и спал в ту ночь в большой комнате на диване. Я даже сама тогда удивилась – он видел, что я собираюсь в магазин, но даже и не подумал предложить свои услуги. Ждала, думала он воспользуется случаем, чтобы помириться, даже тянула время, но не дождалась. На Дениса это совсем не похоже...

Действительно, не похоже, подумал Николай. Ведь он с тебя, суки, пылинки сдувал...

– А из-за чего вы поссорились? – спросил он на всякий случай.

– Понимаешь, накануне того дня я случайно выглянула в окошко и увидела, что Денис разговаривает около подъезда с каким-то человеком. Мне почему-то показалось, что разговор идет на повышенных тонах. Потом Денис махнул рукой и пошел домой. А тот человек сел в машину и уехал. Когда Денис пришел, я спросила, кто это был. И знаешь, что он ответил? Для тебя, говорит, будет лучше, если ты никогда этого не узнаешь. Знаешь, как я разозлилась? Как это – жена, и не должна знать, с кем ее муж на улице разговаривает? А может быть, он точно так же и любовницу от меня скрывал? Может, он куда не пропадал и сейчас у нее прячется? Если так, то сразу развод, и свою половину я у него отсужу, пусть не надеется!

Тут Николай не сдержался и брезгливо поморщился. Если даже ему, чужому человеку, Марина несла такую несусветную чушь, лишенную всякой логики (только что она сама говорила, что ее муж пропал в одних спортивных штанах), то можно представить, какой скандал она закатила в тот день мужу! Но Марина ничего не заметила и продолжала гнуть свое:

– Разве я не права? Ну, скажи!

– Права, права, – пробормотал он, лишь бы успокоить разбушевавшуюся куклу. – Ты лучше вспомни, были у того человека, с которым разговаривал Денис, какие-нибудь особые приметы?

– Ой! – Марина округлила глаза и испуганно прижала ладонь к щеке. – Конечно, были! Я хорошо рассмотрела. Он вообще был не похож на человека!

– Как это? – удивился Лесовой.

– У него лицо было белое-белое, белее бумаги. У людей таких лиц не бывает.

– А волосы седые? – спросил Николай, чувствуя, как холодеют кончики пальцев.

– А вот и нет! Он ведь молодой еще, не старше тридцати. Волосы у него были темные, почти черные...

- А машина? Не помнишь, на какой он машине уехал?
- Конечно, помню! Старье какое-то! На таких, наверное, сто лет назад ездили. Я еще в кино такую видела...
- В каком еще кино? – любопытствовал Лесовой.
- Не помню, что-то про Сталина... – легкомысленно ответила Марина.

Глава 14

Неправильные менты

Выйдя из подъезда, Николай сплюнул в сердцах и громко выругался, чем заслужил неодобрительные взгляды сидевших на скамейке старушек. Но он был настолько взбешен, что не обратил на них внимания. Ему едва удалось вырваться из квартиры. Когда майор собрался уходить, Марина принялась строить ему глазки, приглашать выпить чашечку кофе и даже какого-то особенного коньяка. Одним словом, *напрашивалась*. Николай, отнекиваясь, направился к двери, но Марина подошла вплотную и как бы невзначай стала прижиматься грудью к его плечу. Когда она принялась за него совсем уж откровенно, Лесовой взял ее за плечи, развернул спиной к себе и увесистым шлепком по круглой попке отправил изумленную Марину из прихожей в комнату.

Николай был не железный. В других обстоятельствах он содрал бы с нее обтягивающие штанишки, разложил на диване и вдул изнывающей от желания сучке по самые помидоры. Трахал бы до тех пор, пока не запросит пощады. Но у него были свои принципы. Он никогда не позволил бы себе тронуть жену друга, даже такую стерву, как Марина. А после разговора, в котором она показала свое гнилое нутро, ему было просто противно даже прикоснуться к ней. Примерно как улечься в постель с резиновой куклой...

Вспомнив жену Лени Полищука, Николай сравнил ее со стервой Мариной и выругался еще громче, подарив старушкам повод обмыть в очередной раз косточки современной молодежи.

Он был так зол, что даже перестал проверяться на предмет слежки. Хрен с вами, следите сколько хотите! Ни от кого не скрываясь, Николай дошел до магазина, сел в «Волгу» и поехал в контору, как он стал называть про себя «Центр специальных проектов». Ему надо было задать несколько вопросов полковнику Сигизмундову, а может быть, и самому генералу. Даже если придется затронуть его не совсем ординарную внешность.

Выехав на Рязанское шоссе, Николай прибавил скорость и, вглядываясь в зеркало заднего вида, убедился, что ни один водитель не поддал газа, чтобы не упустить его из вида. Компьютерный подсказчик тоже молчал. Но вскоре он увидел впереди стоявшую на обочине машину с надписью «ДПС», а около нее человека в форме ГИБДД, который махал ему полосатым жезлом.

Николай притормозил, опустил стекло, но выходить из машины не спешил. Инспектор с лейтенантскими погонами подошел к нему и сказал:

– Вы превысили скорость. Пройдите в нашу машину для составления протокола.

«Кажется, попал!» – подумал майор. То, что это неслучайная встреча, он понял сразу. При обычной проверке документов гибэдэдэшник, особенно офицер, обязательно бы сначала козырнул и представился: «Инспектор ГИБДД, лейтенант милиции Пупкин». Это у них въедается в кровь. А у этого даже не было на груди обязательной бляхи с указанием личного номера, а в руке – прибора для измерения скорости.

Рядом с «Волгой» уже стояли два человека в черной омовской форме, и стволы их короткоствольных автоматов были направлены прямо на Лесового. Конечно, можно было поднять пуленепробиваемое стекло и рвануть вперед. Ведь Сигизмундов говорил, что броня его машины выдержит автоматную очередь. Но испытывать это на собственной шкуре как-то не хотелось. Майор быстро оценил обстановку и решил выйти из машины. Можно было раздавить спасительный брелок и вызвать подмогу, но Лесовой решил, что справится сам. В милицейском «Форде» больше никого не было, а эти, даже вооруженные автоматами, не выглядели настолько опасными, чтобы он не рискнул вступить с ними в схватку.

– Я могу попросить ваши документы? – нахально спросил он, подходя вплотную к автоматчикам, так, что стволы чуть не уперлись ему в живот.

– Что? – заржал один из омовцев и, выпустив из рук повисший на ремне автомат, сделал неприличный жест, хлопнув ладонью левой руки по стигу правой. – А этого не хочешь? Давай быстро в нашу машину!

Именно этого Лесовой и ждал. Противник, выпустивший из рук оружие, уже не представлял особенной угрозы, и его Николай оставил на потом. Неуловимым движением уйдя с линии прицела, он ткнул указательным пальцем в гортань второму автоматчику. Прием был жестокий, но эффективный, и противник, захрипев, упал на асфальт. Первый омовец не успел схватиться за автомат, как его постигла та же участь. Автоинспектор трясущимися руками рвал пистолет из кобуры, но почему-то это у него не получалось. А потом и вовсе стало не до того, потому что майор одной рукой взял его за глотку, а второй сжал тянувшуюся за оружием руку так, что тот ойкнул и прекратил всякие попытки к сопротивлению.

Как, наверное, восхищались шоферы пронесившихся мимо машин, видя сюрреалистическую картину – остановленный автоинспектором водитель взял обидчика за горло! Такое увидишь не каждый день!

– Даже не думай! – произнес Николай голосом полицейского из американского боевика. – Кто вас послал? Говори, быстро!

И в подтверждение того, что не намерен шутить, сильнее сжал пальцы на горле.

– Начальник, – прохрипел лейтенант. – Мне приказали, я выполняю...

– Кто приказал?

– Я же говорю – начальник!

– Фамилия, живо!

Лейтенант назвал, и Лесовой вспомнил, что в одном из районов Москвы отделом ГИБДД действительно руководит полковник с такой фамилией. Но район этот был на другом конце города, и место, где они сейчас стояли, вовсе не входило в зону его ответственности.

– Врешь! – уверенно сказал Николай и слегка приласкал лейтенанта тычком в солнечное сплетение. – Говори правду, если не хочешь еще.

– Меня попросили, – ответил тот, корчась от боли. Если бы Николай не держал его за горло, инспектор упал бы на колени.

– Кто попросил? – майор был неумолим.

– А я знаю? – огрызнулся лейтенант. – Дали денег, я и согласился... На одну ментовскую зарплату разве проживешь?

– Не пи...ди! – оборвал его Лесовой. – Я ведь живу! Говори, сколько за меня дали?

– Пять тысяч, – поняв, что шутки плохи, ответил лейтенант.

– И всего-то? – презрительно усмехнулся майор.

– Баксов...

– Ого! – присвистнул Николай. Это было уже серьезно. – Уважают, однако! Где деньги?

– Дома, – едва слышно прошептал лейтенант, непроизвольно опустив взгляд в сторону брючного кармана.

Николай понял, что означает этот взгляд, вытащил у него из форменных брюк пухлую пачку перетянутых резинкой пятидесятидолларовых купюр и без смущения положил ее в карман своей куртки. Инспектор застонал от бессильной злости, на что Лесовой издевательски сказал ему:

– А работу ты сделал? Нет? Значит, и вознаграждение не положено. Так кто, говоришь, тебе заплатил? – и он снова придавил горло.

– Да не знаю я его, честно! – простонал лейтенант. – Я его вчера за превышение скорости остановил, а он дал мне денег и попросил помочь задержать тебя.

– Попросил! – передразнил его Николай. – Эх ты, страж порядка...

Поняв, что лейтенант был обыкновенной пешкой и большего от него не добиться, он похлопал его по карманам куртки и извлек оттуда жетон и служебное удостоверение.

– А это мы заберем! – сказал, бросив все это на сиденье «Волги». Туда же последовала обойма с патронами, которую он выщелкнул из лейтенантского «макарова».

– Что ты делаешь? – взвыл инспектор. – Меня ведь посадят!

– И правильно сделают, – флегматично ответил ему Николай. – Заслужил. Слушай, а чего это ты так дешево прокололся? Бляху спрятал, не представился! Я сразу понял, что дело нечисто.

Лейтенант ничего не ответил, только зло сверкал исподлобья глазами. Лесовой нажал ему на плечи и подбил ногой под колени, заставив сесть на асфальт. Потом, заметив, что «омоновцы» стали оживать, он добавил каждому по удару ботинком в нужное место, и они снова затихли. Отстегнул от автоматов рожки, еще по два магазина вытащил из специальных карманов омовской формы и присоединил их к лейтенантскому имуществу. Никаких документов при «омовцах» не оказалось.

– Эти кто такие? – спросил он у лейтенанта. – Они что, тоже настоящие менты?

– А я откуда знаю? – обреченно пожал плечами тот. – Все может быть. Мне сказали взять их с собой, я и взял.

Николай подошел к милицейскому «Форду», вытащил из замка и положил в карман ключ зажигания, рывком выдрал трубку рации и забросил ее в кювет.

– Вот теперь можно и ехать! – сказал он, завел машину и тронулся, сопровождаемый злобным взглядом продажного лейтенанта...

Глава 15

Странная история странного генерала

– Это еще что? Арсенал, что ли, ограбил?

Сигизмундов вошел в кабинет, когда Николай складывал в сейф снаряженные магазины.

– Трофеи! – мрачно ответил майор и рассказал полковнику о случившемся на дороге. Сигизмундов внимательно выслушал его, почесал затылок и протянул:

– Да-а! Дела! Получается, я ошибся? И мафиози не собираются оставлять тебя в покое? Кто, кроме них, мог устроить на тебя засаду? Не будь ты таким шустрым, завтра оказался бы в списках без вести пропавших. А нам пришлось бы искать нового оперативника.

– Выходит, так! – по-прежнему мрачно ответил Лесовой.

– Надо что-то делать! Может быть, тебе стоит несколько дней пожить в отделе? – предложил полковник. – У нас здесь есть неплохая комната отдыха. А я за это время, смотришь, и урегулирую ситуацию.

Сигизмундов оскалил зубы в хищной улыбке, и Николай подумал, что тому, кто попадет под его «урегулирование», не позавидуешь. Но предложение ему не понравилось.

– Еще чего не хватало! – возмутился он. – В горах не прятался от духов, а тут буду бегать от каких-то бандюг? Нет уж, буду жить, как жил. А если домой придут – им же хуже.

– Вольному воля! – пожал плечами Сигизмундов. – Только будь осторожен.

– Постараюсь, – пообещал Николай и протянул ему удостоверение обиженного им лейтенанта вместе с бляхой. – Можно этого деятеля пробить по базе?

– Запросто! – ответил полковник и защелкал клавишами компьютера. Через пару минут на экране появилось знакомое лицо и колонка текста рядом с ним.

– Твой? – повернулся он к Николаю.

– Мой!

– Лейтенант Мороз из Химкинского райотдела. Так, так... здесь ничего особенного, мент как мент. Ладно, посмотрим файл службы собственной безопасности... вот! Видишь? «...лейтенант Мороз Григорий Фролович находился в оперативной разработке с... и по... Основание – информация о многочисленных случаях вымогательства, полученная от внештатного осведомителя П. Впоследствии информация не подтвердилась, и дело оперативной разработки лейтенанта Мороза Г.Ф. было прекращено». Понимаешь, что это значит?

– Чего уж тут непонятного? – усмехнулся майор. – Не жадничал лейтенант, честно делился с начальством. Вот и вывернулся.

– Знаешь что? – на лице Сигизмундова снова появилась хищная улыбка. – Заберу-ка я ксиву и жетон и устрою по своим каналам Григорию Фроловичу такую сладкую жизнь, что ему небо с овчинку покажется!

– Пожалуйста! – Николай протянул ему милицейские аксессуары. – Буду только рад. А с баксами что делать? Может быть, сдать в кассу? Все-таки сумма немалая.

– Зачем в кассу? – удивился Сигизмундов. – Трофей твой, деньги заплачены за твою голову, тебе и владеть. Или ты собираешься писать на него рапорт? Чтобы его наказали?

– Зачем? – усмехнулся Николай. – У тебя это лучше получится.

– Тогда докладывай, какие успехи по делу Красильникова?

– Похвастаться пока нечем, – обтекаемо ответил Лесовой. – Но появились кое-какие вопросы. Довольно нескромные.

– Нескромные? – Сигизмундов поднял на него удивленные глаза. – Ну, что же, задавай.

– Не так давно ты отказался рассказать мне, отчего у нашего шефа такая странная внешность.

– Почему тебя это снова заинтересовало? – нахмурился полковник.

– Потому, что в деле Дениса Красильникова промелькнул похожий на него человек. Точнее, с таким же цветом лица. Свидетель видел, как за день до исчезновения Красильников разговаривал с ним около своего подъезда. Согласись, это достаточно веское основание для моего любопытства.

– И ты решил, что это был Вампир? – Сигизмундов оставался спокоен, но по некоторым признакам Николай определил наметанным взглядом, что полковник напрягся, как почуявший опасность хищный зверь.

– Нет, – ответил Лесовой. – Это был не он. У доктора волосы совершенно седые, а по словам свидетеля, у того человека они были темными или черными. И возраст не тот. Этому, на взгляд свидетеля, было не больше тридцати. Но все-таки такое сходство настораживает, не так ли?

– А из-за недостатка информации ты не можешь сделать нужные выводы? – подхватил полковник. – Ладно, я отвечу на твой вопрос. Но начать придется издалека.

– Разве у нас мало времени? – делано удивился Николай и, устроившись удобнее на стуле, приготовился слушать.

– Но учти, – полковник не поддержал шутливого тона. Мало того, Лесовой чувствовал, что его не оставляет возникшее напряжение. – То, что ты услышишь, – не для чужих ушей. Это секретная информация, а ты подписал соответствующую бумагу.

– Зачем напоминать? – поморщился Николай. – Не маленький...

– В этой истории много непонятного, – Сигизмундов не обратил внимания на реплику. – Даже таинственного. Ты ведь у нас законченный материалист? Вот и попробуй разыскать рациональное объяснение истории нашего генерала.

Сейчас ему пятьдесят один год, а докторскую диссертацию по психологии он защитил в двадцать пять. Несмотря на молодость, он уже тогда пользовался авторитетом среди психологов и психиатров. Он часто консультировал КГБ и МВД, разоблачил кучу симулянтов, которые косили под психов, пытаясь таким образом уйти из-под суровой статьи. А однажды к нему пришел чин из специального отдела КГБ и попросил разобраться с интересным случаем потери памяти. Ну, ты знаешь, бывает такое – человек пропал, его ищут, а он вдруг сам выходит к людям черт знает на каком расстоянии от дома и при этом не помнит ни своего имени, ни того, где был и что с ним случилось. Георгий Шалвович согласился – и увяз в этом деле с головой. Гэбисты подкидывали ему случаи один интереснее другого, и он занимался этими людьми до девяносто первого года, когда рухнул Комитет, а спецотдел был разогнан как притон мракобесов. А через пару лет отдел тихо возобновил свою работу, и доктор снова занялся тем же делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.